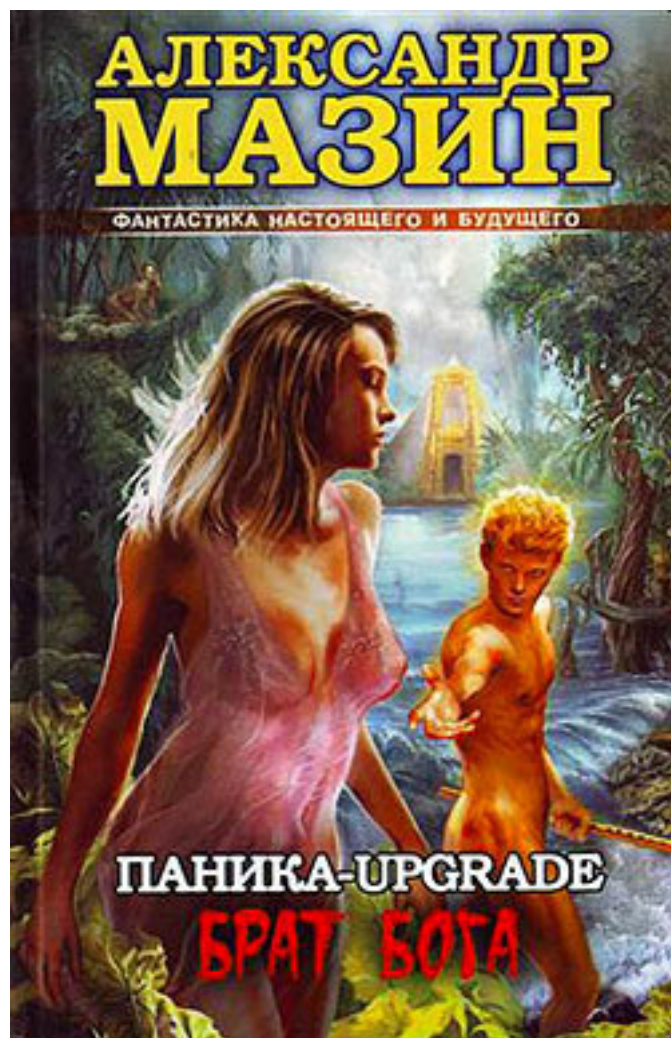


**АЛЕКСАНДР
МАЗИН**

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО



ПАНИКА-UPGRADE

БРАТ БОГА

Паника-upgrade

Александр Мазин

Паника-upgrade. Брат Бога

«Автор»

Мазин А. В.

Паника-upgrade. Брат Бога / А. В. Мазин — «Автор»,
— (Паника-upgrade)

Чудесный тропический остров приглянулся лидеру африканских мятежников. Теперь на острове – военная база. Несколько сотен солдат, мощная система ПВО, склады оружия. Именно сюда увозят похищенную подругу главного героя – единственного наследника погибшего владельца острова. И вот герой плывет на остров, чтобы спасти свою девушку. А вместе с ним – бывший офицер ГРУ и его друг, сын колдуна и бесстрашный воин-масаи. Их только трое – против сотен солдат. Однако на острове есть и третья сила, смертельно опасная для всех, кого угораздило родиться людьми.

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвертая	35
Глава пятая	40
Глава шестая	44
Глава седьмая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Мазин

Паника-upgrade. Брат Бога

Все приходит к началу: вот девушка, ставшая пеной.

Город, ставший песком, обращенный в зерно чернозем.

Прах забытых владык, лес, восставший из непа и тлена.

Все приходит к началу. Начало придет не ко всем.

Часть первая

Брат Бога

Пролог

Капитан Курт Штабб привык к Африке. Он мог воевать в пустыне и в джунглях, в саванне и в буше. В джунглях было хуже всего. Слизняки, ядовитые жабы, змеи и прочая мерзость заползали в каждую щель, в вещмешок, в сапоги, за шиворот. Но Курт Штабб умел воевать и в джунглях. Даже в таких джунглях, где за каждым деревом мог спрятаться черномазый с отравленной стрелой на тетиве. Или с русским автоматом.

Более того, Курт Штабб не только умел воевать сам, но еще мог заставить драться ленивых черномазых макак, которых давали ему в подчинение.

За эти умения капитана ценили и давали ему много денег. Гораздо больше, чем он получал в армии родной Германии.

Не то чтобы капитан Штабб не любил свою родину... Но деньги он любил больше.

А еще больше он любил ту абсолютную власть, которую имел над подчиненными ему чернозадыми. Хотя в этом капитан никогда бы не признался. Даже сам себе.

Полковника Ленарта Реймана Штабб знал уже лет десять. У полковника тоже был изрядный стаж африканских войн. Только, в отличие от Штабба, который уже очень давно воевал за тех, кто больше платит, Рейман сначала воевал за интересы великой державы. Поэтому он и Курт Штабб то и дело оказывались по разные стороны фронта. Когда великая держава приказала долго жить, а маленькая родина Реймана превратилась в самостоятельное пятнышко на карте и объявила Ленарта Реймана «наймитом оккупантов», полковник решил, что пришло время немного поработать на себя. И когда ему понадобился надежный офицер, он предложил капитану Штаббу очень хороший контракт. Остров, на котором нынче протекала служба капитана, был поистине райским местом. Идеальный климат, никаких насекомых, никаких грязных туземцев. Обеспечение – на высшем уровне. Даже черные обезьяны, которые были у него в подчинении, были неплохо обучены. Для обезьян.

Вот только с бабами – беда. Вернее – без баб. Курт дважды обращался к полковнику с просьбой решить вопрос, но – безрезультатно. Чертов работодатель отказался завезти на остров девок. Сказал, что за те деньги, что он платит, можно полгода и собственными ладошками обойтись.

Обезьяна – она и есть обезьяна.

Курт Штабб в сердцах смял в кулаке пустую банку из-под пива и метнул ее в корзинку для бумаг.

«Пойти проверить посты, – подумал он. – И заодно отлить».

Сегодня в карауле была рота капитана Мубарика, но Курт Штабб считал себя ответственным за все, что происходит на острове. Он ведь второй по старшинству офицер в гарнизоне.

Ночь, как всегда, была великолепна. Свежайший морской воздух, приятное тепло... Капитан потянулся, хрустнув суставами, и направился в воротам.

Там было все в порядке.

А вот как обстоят дела на наружных постах?

Не то чтобы Штабб опасался, что кто-то может тайком пробраться на остров... Системы наблюдения тут такие, что со стороны моря даже летучая рыбка не проскочит. Но порядок должен быть.

Так и есть. Часовой, которому было положено бдить, широко раскрыв глаза и растопырив уши, бубнил какую-то свою обезьянью песню и, разумеется, прохлопал подобравшегося к нему сзади капитана.

– Как дела, приятель? – гаркнул Курт Штабб, с размаху хлопнув часового по плечу.

И с удовольствием хрюкнул, увидев, как дернулся черномазый.

– Ну, ну! – заржал он, отводя в сторону направленный на него ствол. – Раньше надо было шевелиться, Чап!

«Если это лучшие головорезы нашего фюрера, не быть ему президентом!» – подумал Штабб, глядя, как часовой тщетно пытается унять дрожь.

– А, это вы, капитан, сэр... – Английский часового был таким же скверным, как и у самого Штабба. Но друг друга они понимали.

– А кого ты ждал, Чап? Кинг-Конга?

– Не нужно шутить так, капитан, сэр! – попросил африканец. – У этого острова дурная слава! Здешним духам может очень не понравиться такая шутка, сэр!

– А мне не нравится, Чап, что ты – разиня! – рявкнул Штабб. – Будь ты моим человеком – спустил бы с тебя шкуру! Сам! Но ты – не мой человек, – добавил он потише. – Так что шкуру с тебя спустит господин полковник.

Страх часового перешел в ужас. Штабб именно этого и добивался. Черномазые должны бояться белых командиров больше, чем своих дурацких суеверий. И намного больше, чем других черномазых. Штабб оч-чень хорошо знал, что нужно делать, если не хочешь оказаться мясом в туземной похлебке!

– Не говорите полковнику, капитан, сэр! Пожалуйста! – Голос солдата стал тонким и дрожащим. – Я не слышал вас! Я не ждал, что кто-то придет со стороны базы!

– Ты лопухнулся! – жестко произнес Штабб. – А лопухнулся потому, что болтал, вместо того чтобы слушать, потому что больше думал о своих сраных духах, чем о парне, который подползет к тебе сзади, чтобы перерезать горло! Тебе, а потом – всем нам! Не спорить!!! – гаркнул он, заметив, что африканец собирается что-то сказать. – Ты – ублюдок! Из-за тебя твоего господина могли зарезать, как свинью! Ты понял?!

– Да, сэр!

Лицо часового стало серым.

– Если твой большой черный вождь узнает, как ты его охраняешь, он заставит тебя сожрать твой собственный член!

– Да, сэр!!!

– Вот так, Чап, – проворчал Курт Штабб, смягчаясь. – Надеюсь, ты все понял и будешь теперь держать настороже свои большие черные уши?

– Да, капитан, сэр!!!

По выкаченным глазам часового видно было, что ему пришлось пережить. Он не верил своему счастью: гнев белого прошел!

– Хорошо, Чап! Работай.

Курт хлопнул часового по широкой спине и ухмыльнулся.

Ответить на его улыбку солдат не рискнул.

– Я еще проверю тебя! – пообещал Штабб.

И, выйдя из освещенной прожектором полосы, нырнул в заросли. По правде говоря, Штабб нисколько не сомневался, что часового остался таким же разиней и болваном, как до их разговора.

– Духи, – пробормотал он с презрением. – Духи...

Тропа, расчищенная три дня назад, вела к лагуне.

Спустя десять минут залитая лунным светом водная поверхность мелькнула в просвете между деревьями.

Курт вышел из зарослей и поглядел сверху на ровную, как ртутное зеркало, гладь залива.

– Недурно повозиться с девчушкой в этой парной водичке! – сказал он сам себе.

И, расстегнув ширинку, помочился с края обрыва на песок внизу. Застегнул молнию, постоял еще пару минут, размышляя: не выкупаться ли? Конечно, к этой части берега акулы не подходят. Камни мешают. Но кроме акул в этих южных водах до хрена всякой сраной сволочи!

«Нет! – решил наконец Штабб. – Лучше приму душ!»

И повернулся спиной к обрыву.

Рука его выхватила пистолет раньше, чем он осознал, что увидели его глаза.

Шагах в двадцати, сразу же за полосой кустарника, растущего на едва прикрытых почвой камнях, Штабб увидел белую человеческую фигуру.

К счастью, человек не двигался и обе руки его были на виду. Поэтому палец капитана, уже выбравший слабинку спускового крючка, остановился.

– Вот срань! – пробормотал Курт Штабб, приглядевшись, и опустил пистолет. – Я же тебя чуть не ухлопал, красотка!

Пистолет отправился обратно в кобуру, тонкие губы Штабба растянулись по-волчьи: капитан улыбнулся. И шагнул вперед.

– Так значит вот что было в этом ящике, который вчера приволок на остров Али, – пробормотал он по-немецки. – Так я и знал, что наш черномазый фюрер не захочет долго обходиться без сладенького.

Он сделал еще один шаг. Между ним и девушкой оставалось шагов двадцать. И еще – взъерошенный шар куста, закрывавший красотку до пупка. Но выше пупка на ней не было даже намек на одежду.

А девчушка и впрямь была красавица. И она была белая. Лунный свет придавал оттенок экзотической голубизны ее коже. Пряди длинных волос падали на ее лицо, закрывая его подобием шелковистой вуали, из-под которой за капитаном наблюдали глаза, словно наделенные собственным светом. Плечи незнакомки были немного широковаты для девушки, но – именно той ширины, которую предпочитал Курт Штабб. А груди свежестью и формой превосходили все сиськи, каких когда-либо касался Курт Штабб своими цепкими мозолистыми лапами.

А перепробовал он немало.

Во рту у капитана стало сухо, как днем в Калахари.

– А ты – милашка! – хрипло произнес капитан и сделал еще несколько шагов. Теперь их разделял только куст в четыре фута шириной. Кожа у девушки была гладкая и блестящая, как шелк.

– Я... Я могу арестовать тебя! – проговорил Штабб по-английски срывающимся голосом. Девушка медленно покачала головой.

– Тебя привез этот черномазый слизняк Али?

Красавица вновь качнула головой и, чуть наклонив ее в сторону, глядела на капитана.
– Чья же ты, сучонка? – пробормотал Штабб, переходя с английского на немецкий.

Гром и дьяволы, она глядела на него так, словно не она, а он был диковиной в этом чертовом лесу! Будь она черной, капитан решил бы, что малышка – дикая аборигенка. Но девчушка была белее сметаны!

Рот Штабба, только что сухой, как пески пустыни, вдруг наполнился слюной.

– Ну ладно, – пробормотал он вновь на родном языке. – Чья бы ты ни была, вряд ли кто посмеет меня обвинить! Чтобы Штабб встретил в лесу голую девку и не отодрал ее? Да мне все равно никто не поверит!

И шагнул в сторону, обходя куст.

Девушка не двинулась с места, только чуть повернула голову,

– Готов спорить на месячное жалованье, – громко сказал капитан. – Ты, моя гладкая телочка, прибежала купаться, позабыв надеть трусики!

Штабб подбадривал сам себя. Честно говоря, он был немного смущен.

Кто бы поверил, что такая встреча смутит Быка-Штабба? И все-таки он чувствовал неловкость.

Может, оттого, что девчонка так ненормально красива?

Что-то похожее испытывает человек, сунув руку в карман за мелочью и обнаружив там тысячедолларовую банкноту.

Но у капитана так давно не было женщины! После эдакого сексуального поста Курт Штабб мог бы трахнуть собственную сестру!

Лунный свет падал прямо на красотку, следовательно, сам Штабб оставался в тени.

«Тем лучше, – подумал он. – Если девке придет в голову на меня настучать, она даже не запомнит моего лица».

Он наконец обогнул куст. Точно! Девка была совершенно голая! В чем мать родила! Когда капитан обошел куст, она повернулась ему навстречу. Тень от куста косой линией пересекала ее бедра. И она продолжала улыбаться!

– Похоже, ты, шлюшка, совсем не против, чтобы я тебя вздрючил? – пробормотал Штабб по-немецки и тоже улыбнулся.

Черт! Ему все еще не хватало решимости, чтобы схватить ее! Ноздри капитана раздулись. Он учуял ее запах, и жаркая волна прошла по его телу. Он решительно протянул руки...

– Ты не хочешь снять с себя одежду?

Штабб открыл и закрыл рот. Это сказала девушка. Сказала по-немецки. Причем с тем же отчетливым баварским акцентом, какой был у самого Штабба! У капитана возникло такое ощущение, словно его ударили в челюсть.

Немка? Вот дерьмо!

– Ты что, передумал? – В нежном певучем голосе девушки слышалось огорчение.

«Ах ты шлюха! – подумал капитан. – Нет, наш черномазый хозяин все-таки умеет выбирать девок!»

И с невероятной скоростью принялся срывать с себя одежду.

Красавица глядела на него с прежней чарующей улыбкой из-под рассыпавшихся по лицу волос.

Пояс с кобурой последним упал на кучку одежды. С оружием капитан расставался очень неохотно.

Гольй, широкий, вспотевший от волнения, Штабб шагнул к девушке. Он был готов к тому, что она отпрянет и бросится бежать. Но она, наоборот, сделала движение навстречу, и ее горячие руки коснулись костлявых бедер капитана раньше, чем его собственные лапищи легли на гибкую талию. Бык-Штабб притянул красотку к себе, прижал ее животом к своему животу и повалил в густую траву. Острые ноготки впились в волосатые ягодицы Штабба, тело

девушки под ним выгнулось, и быстрым рывком, как заправский борец, она заставила капитана перекатиться на спину, оказавшись сверху. Капитан не сопротивлялся, только засмеялся хрипло и, накрыв ладонью ее затылок, притянул поближе к себе прелестное личико. Однако девушка вывернулась, мотнув головой. Курт Штабб поймал толстыми пальцами длинную шелковистую прядь, дернул... и отпустил, ощутив, как пальчики девушки сомкнулись на его сокровенном. Красотка привстала, упираясь второй рукой в живот капитана, и с нежнейшей улыбкой медленно начала опускаться вниз. Капитан Штабб испустил сдавленный стон. Его желание достигло предела. И преодолело его. Бычье сердце бравого капитана Штабба затрепетало от нестерпимого наслаждения...

И остановилось.

Глава первая

Маленькая армия Еджава Вулбари

Солдат трясся как осиновый лист.

– Значит, он просто прошел мимо тебя? – процедил полковник Рейман. – Просто прошел и все?

Страх солдата превратился в животный ужас.

«Не обмочился бы! – подумал Ленарт Рейман. – Врет! Точно – врёт! Чтоб Курт прошел мимо часового без своих обычных шуточек...»

– Ам... ам... ам... – попытался что-то сказать солдат.

– Сэр, позвольте мне, – попросил полковника командир второй роты капитан Мубарик, египетский араб, приглашенный на остров лично господином Еджавом Вулбари без согласования с Рейманом. Впрочем, Рейман не возражал. Мубарик – неплохой офицер. Конечно, не такой, как капитан Штабб... Как покойный капитан Штабб.

Мубарик двумя пальцами взял солдата за подбородок.

– Если ты всё расскажешь, всё, всю правду, – произнес капитан мягко, – я обещаю, что ты не будешь наказан. Если будешь молчать, я тебе шкуру спущу. Ты понял?

Это был верный путь. Через несколько минут Рейман получил точное описание разговора капитана с последним, кто видел его живым. И это описание полностью соответствовало натуре Курта Штабба.

Лейтенант Рихард Веерховен, стоявший позади полковника и с брезгливостью наблюдавший всю сцену, поджал губы и отвернулся.

Специалист по оборонным электронным системам, двадцативосьмилетний лейтенант Рихард Веерховен со скучающим видом изучал внутренность казармы. Иногда он искоса взглядывал на перепуганного, поднятого с постели чернокожего, вытянувшегося перед полковником. Рихард Веерховен был уверен, что допрос не даст ничего нового.

– Больше ты ничего не видел? – спросил Рейман.

– Нет, полковник, сэр!

– Свободен! Можешь спать дальше. Капитан, вы тоже свободны! – И, развернувшись на каблуках, двинулся к выходу из барака-казармы.

Лейтенант поспешил за ним.

– Так вы не накажете его, сэр? – спросил он по-немецки, зная, что полковник неплохо владеет этим языком, а солдаты Еджава Вулбари – нет.

Рейман, уже шагнувший наружу, резко обернулся, взявшись рукой за косяк:

– Вы не слышали, что сказал капитан, лейтенант?

– Но... – не слишком уверенно произнес Рихард. – Его следует... необходимо наложить взыскание... В конце концов, он – только черномазый! – закончил лейтенант с ожесточением.

– Выбирайте выражения, лейтенант! – жестко произнес Рейман. – И не забывайте, что наш работодатель – тоже черномазый!

Рейман шагнул наружу и прищурился, когда солнце ударило ему в глаза.

Веерховен воздержался от продолжения спора. Он полагал, что человек с дипломом доктора международного права – чуть больше, чем просто черномазый.

У лейтенанта были своеобразные расовые взгляды.

Лидер оппозиции шейх Еджав Вулбари выглядел почти по-европейски. Кроме того, он был очень богат. Отказ от верований предков отпугнул от Вулбари треть сторонников, зато принес достаточно денег, чтобы сделать этот островок практически неприступным. И иметь возможность вербовать профессиональных наемников вместо сбежавших в родные джунгли диких охотников за головами.

– Куда мы теперь, сэр? – спросил Веерховен, механически отвечая на приветствие часового у входа.

– В лазарет, – полковник широким шагом двинулся через плац.

Лазарет представлял собой такой же приземистый, собранный из деревянных щитов барак, как и остальные строения базы. Если не считать дома, построенного здесь, на макушке острова, еще до прихода на Козий Танец сторонников Вулбари.

У входа в лазарет полковник остановился и некоторое время наблюдал, как шагах в сорока коренастый чернокожий сержант муштрует два десятка солдат. Веерховен, который три недели провозился с аппаратурой и не знал никого из гарнизона, кроме четверых парней его собственной команды, с интересом присматривался к точным движениям сержанта.

– Неплохо, а? – с удовольствием проговорил полковник.

– Вы имеете в виду сержанта, сэр? – спросил Рихард.

– Нет. Сержант – мой парень. Я знаю, на что он способен! Я имею в виду этих. Они уже немного похожи на солдат. А, лейтенант?

– Я не видел их в деле, сэр.

Полковник взглянул с любопытством на своего подчиненного:

– Вас, лейтенант, я тоже не видел в деле.

– Разве, сэр? – усмехнулся Веерховен. – Может быть, у нас проблемы с системами обнаружения?

– Да, верно. Раунд – за вами! – И, подмигнув Веерховену, толкнул дверь лазарета.

Этот молодой заносчивый немец нравился Рейману. Но ему не нравилось, что Рихард Веерховен совершенно равнодушно отнесся к смерти своего соотечественника.

Войдя, Рейман снял с головы легкий пробковый шлем, делавший его немного похожим на плантатора с картинки девятнадцатого века, и положил его на белый, с пластиковым покрытием стол.

– Как дела, Матиуш? – спросил он у врача, невысокого, быстрого в движениях мужчины откуда-то из славянской части Европы.

Веерховену Матиуш больше напоминал отставного боксера-легковеса, чем доктора. Но Матиуш тоже был человеком Реймана, а значит, дело свое знал блестяще. Кроме того, видно было, что врач и полковник знакомы не первый год. И он, Рихард Веерховен, чувствовал себя в их компании чужаком.

Одетый в белый халат помощник доктора при появлении полковника оторвался от окуляра микроскопа и собрался встать. Но начальник не дал санитару подняться, положив руку ему на плечо.

– Если ты имеешь в виду старину Курта – дела неважные! – сказал доктор.

У него был очень высокий голос. «Писклявый», – мысленно окрестил его Рихард.

– Я сделал вскрытие, – продолжал врач. – Смерть наступила вследствие остановки сердца. Левая бровь полковника поползла вверх.

– Совершенно определено! – сердито сказал доктор. – Коронарный...

– Избавь меня, Матиуш! – Полковник поднял руку. – Если ты говоришь, что у Быка-Штабба оказался дрянной мотор, значит, так и есть.

– Я этого не говорил, – возразил врач. – Картина такова, что поначалу, из косвенных данных, я склонен был думать, что он умер от шока. Но теперь склоняюсь к тому, что это был шок на фоне полного истощения. Анализ крови показывает...

– Избавь меня, Матиуш! – еще раз повторил полковник. – Только выводы.

– Он перенапрягся, – лаконично произнес врач.

– Вот как? А что у него с половым членом?

– Ничего.

– Черт! Но он же был весь в крови!

- Это не кровь Курта.
- То есть?
- Это не его кровь, Ленарт. Вернее, в основном не его кровь.
- В основном – это как понимать?
- Незначительный разрыв уздечки. Такое бывает.
- Но, – задумчиво проговорил полковник, – если это не кровь Курта, то это кровь кого-то другого.
- Блестящий анализ ситуации! – Доктор улыбнулся.
- И чья же она?
- Человеческая, насколько я могу судить, – Матиуш осклабился. – Есть кое-какие вопросы, но у меня здесь не исследовательский центр.
- Женщин на острове нет, – изрек полковник.
- Доктор открыл рот, чтобы что-то сказать, но полковник не обратил на это внимания.
- Выходит, Бык-Штабб засандалил кому-то из этих парней, – сделал вывод полковник. – И надорвался. Собачье дерьмо! Раньше за ним такого не замечалось! А потом этот засранец бросил своего капитана... – Рейман сжал челюсти с такой силой, что на щеках его надулись желваки. – Я найду мерзавца! – пообещал он. – Найду и...
- Ленарт! – Фальцет доктора резанул по ушам Веерховена. – Вынужден тебя огорчить. Нет нужды проверять солдатские задницы. Это была женщина. Или, что вернее, – девушка. Так что старина Курт неплохо провел последние минуты своей жизни. И умер в полном кайфе, можешь мне поверить!
- Откуда на острове девушка, черт возьми? – изумился Рейман.
- Тебе лучше знать, Ленарт.
- Полковник повернулся к Рихарду.
- Лейтенант! – жестко бросил он. – Откуда на острове девушка?
- Веерховен спокойно выдержал буравящий взгляд начальника.
- Ни одно судно не подходило к острову, сэр! – сказал он. – Ни одно чужое судно! Даже если кто-то ухитрился бы незаметно высадиться ночью, то утром его непременно бы засекали. Я сам просматриваю записи, сэр!
- А днем? – перебил Рейман.
- Днем то же, сэр. А акваланг засекали бы металлодетекторы. Может быть, девушка уже была здесь, когда мы прибыли на остров? Кстати, сам Штабб говорил: здесь есть несколько пещер... Я собирался заняться ими через пару недель. Это удобное место, чтобы оборудовать запасные позиции!
- Матиуш, старина, – полковник повернулся к доктору. – Ты уверен? Насчет девушки?
- Абсолютно. Я шесть лет работал криминальным экспертом, Ленарт.
- Есть еще какие-нибудь повреждения?
- Несколько царапин на спине!
- Ногти?
- Нет. Колючки. Ищи девушку, Ленарт! Она расскажет тебе, как Бык-Штабб провел последние минуты.
- Что еще можешь выяснить ты?
- Здесь – ничего. Можно отправить тело на материк. Можно подготовить срезы тканей...
- «Кто бы она ни была, – подумал Рихард, – мне жаль ее, бедняжку. Эта скотина Штабб изнасиловал ее, а потом еще и загнул, подлец!»
- Веерховен представил себе юную девушку, извивающуюся под тушей мертвого капитана, и содрогнулся. У лейтенанта было живое воображение. И в некоторых вопросах он был весьма чувствителен.
- Какие мысли, лейтенант?

– Что? – Вопрос застал Веерховена врасплох.

– Что вы об этом думаете? – Рейман испытующе глядел на него.

«Наверняка у старика уже есть что-то на уме!» – подумал Веерховен.

– Вашему следопыту-зулусу можно доверять? – спросил он.

– М'Батту? Да!

– Вспомните, он ведь не обнаружил на месте происшествия никаких следов. Если не считать ботинок самого Штабба.

– Здесь нет змей, – сказал полковник. – Если девушка идет купаться босиком... много ли останется следов?

«Он принял версию о девушке», – подумал Веерховен.

– Если откинуть в сторону предположение, что Штабб совокупился с одной из здешних неуловимых антилоп, – сказал Веерховен, – есть лишь одно место, где можно скрыть девушку от наших глаз! И лишь один человек, который может это сделать. И я думаю, что если пойти к этому человеку и все выяснить...

– Нет! – отрезал полковник.

– Почему нет, сэр? Позвольте узнать?

– Потому, лейтенант, что я всегда неплохо относился к старине Курту. И хочу, чтобы его похоронили по-человечески. Надругательство над телом офицера, белого офицера, лейтенант, может дурно повлиять на моих солдат!

– Вот это точно! – поддержал доктор.

– Не понимаю вас, сэр.

– Как ты думаешь, какова будет реакция нашего работодателя, узнай он, что Штабб изнасиловал его подружку? Будущую подружку, если верить словам дока. Пока сама она молчит, мы тоже будем молчать!

– Не уверен, что имело место насилие, – пробормотал врач.

Но его не услышали.

– Так, – заключил полковник. – Мы не будем тревожить господина Еджава Вулбари непроверенными предположениями.

– Что же ему сказать?

– А вот это – моя забота, лейтенант. Матиуш! Ты тоже меня понял, верно?

– Да, Ленарт.

– Разрешите идти, сэр? – спросил Веерховен.

– Минуту, лейтенант!

Рейман подошел к Рихарду, приблизил почти вплотную свое длинное лицо.

– Штабб мертв, лейтенант, – сказал он. – Он был моим старым другом, но это для вас не так важно! А важно то, что теперь вы – единственный офицер, которому я могу полностью доверять.

– А капитан Мубарик, сэр?

– Мубарик – человек Вулбари. А вы – мой. И я надеюсь на вас, лейтенант!

– Я не подведу вас, сэр! – сухо ответил Веерховен. – Это всё, сэр?

– Да, – со скрытым неудовольствием произнес Рейман, отодвигаясь. – Да. Можете идти. Веерховен козырнул и покинул лазарет.

За истекшие полчаса снаружи стало еще жарче. Больше всего Рихарду хотелось спуститься вниз к морю и выкупаться. Он отчетливо представил себе шелковую серебрящуюся поверхность океана, прохладную воду, обнимающую тело... Но никто, кроме патрулей, не имеет права покидать территорию базы. Это приказ полковника. Возможно, лейтенанта Веерховена он и не касается, но как отнесется Рейман к тому, что его офицер, вместо того чтобы заниматься делом, отправился купаться? А работы у Рихарда – непочатый край. Кому, как не ему самому, об этом знать!

Лейтенант вздохнул и зашагал мимо второго солдатского барака к своему домику. Сбоку от казармы трое поваров под навесом из пальмовых листьев жарили на открытом огне мясо. Рядом, в полностью автоматизированном армейском котле, варился суп. Веерховена позабавило сочетание этих двух способов приготовления пищи. Первому было по меньшей мере десять тысяч лет. Второму – чуть больше десятилетия.

– Хорошие финики, лейтенант! – Один из поваров стоял рядом и протягивал Веерховену кулек, свернутый из листа дынного дерева.

– Спасибо!

Сплевав на землю косточки, Веерховен обогнул элегантное бунгало, стеклянная стена которого так и сияла на солнце, ответил на приветствие часового, истекающего потом у двери резиденции Вулбари, и подошел к собственному домику.

Построенный из таких же сборных конструкций, как и все остальное в лагере, трехкомнатный домик Веерховена выглядел все же приятнее, чем солдатская казарма. Он смотрелся бы еще лучше, если бы не ядовито-зеленый цвет деревянных стен и крыши. Но главной частью дома было не то, что располагалось над землей.

Войдя, Рихард пересек первую комнату и по узкому коридору прошел в крохотное помещение без окон. Наклонившись, он откинул крышку люка. Под ней была стальная плита с тусклым красным глазком в углу. Веерховен прижал к опознавателю большой палец, и плита с негромким жужжанием отползла в сторону, открыв винтовую лестницу, огибающую железный столб.

Стальная плита встала на место раньше, чем нога Веерховена коснулась последней ступеньки. И сразу же скрытая пружина вернула на место деревянную крышку люка. Это были естественные меры предосторожности: здесь, под зеленым домиком, размещался Контрольный Центр Управления всеми системами слежения и огня на острове.

Чернокожий охранник, вскочивший на ноги, едва сдвинулась стальная плита наверху, коснулся пальцем края каски и опустил на стул.

– Здравствуй, лейтенант! – Один из операторов Веерховена, М'Танна, одарил начальника сверкающей улыбкой. Второго оператора не было: с двумя специалистами он устанавливал еще одну телекамеру на западном берегу острова.

– Привет!

Веерховен опустил в собственное кресло и ввел код. Один большой и три малых экрана могли дать «картинку» с любой из ста тридцати шести камер явного наблюдения и шестнадцати, доступ к которым открывался специальным паролем. Кроме того, со своего пульта он мог активизировать любую из огневых точек: от пулеметов на периметре базы до самонаводящихся ракет «поверхность» – «воздух» и «поверхность» – «поверхность», размещенных в шахтах по всему периметру острова.

Информация с камер открытого наблюдения поступала на шестнадцать дисплеев дежурного оператора. Каждую минуту изображения автоматически менялись. Вся информация записывалась и хранилась в течение шести дней. На седьмой девяносто шесть процентов ее уничтожались, если не поступало отменяющей команды.

К сегодняшнему вечеру, когда будут закончены работы на западном берегу острова, система войдет в автоматический режим слежения. То есть любое судно или самолет, оказавшиеся ближе чем в полумиле от острова и при этом ниже чем в тысяче футов над уровнем моря, будут уничтожены, если на них не установлен кодовый передатчик. Или если команда на уничтожение не будет отменена отсюда, из КЦ.

Веерховен вывел на дисплей «общее наблюдение» и «полет бабочки». Выяснив, что в пределах мили от острова нет ни одного судна с работающим двигателем, Рихард ввел данные проверочного теста. Через три минуты вторая из выпущенных ракет поразила условную цель – приближающийся «крейсер». Первая была уничтожена в соответствии с параметрами, задан-

ными самим Веерховеном. Всё это была виртуальная «игрушка». Но «игрушка», полезная и для оператора, и для компьютера. То же произойдет и с настоящим крейсером, если он подойдет к Козьему Танцу.

Стоимость установленного на острове оборудования превышала триста миллионов долларов. Немалая сумма. Но и не слишком большая, если сравнить, например, со стоимостью стратегического бомбардировщика. И совсем незначительная, если сопоставить с предполагаемой стоимостью нефтеносных пластов, хозяином которых станет Вулбари, сменив титул шейха на должность Господина Президента. Что ж, и те восемь с половиной тысяч долларов, что переводятся ежемесячно на его, Веерховена, банковский счет, станут только каплей в денежном потоке, который устремится туда при благоприятном обороте событий. Да здравствует Президент Вулбари!

Рихард покосился на охранника – тот глядел в потолок – и ввел дополнительный пароль, открывающий доступ к скрытым телекамерам в резиденции шейха.

Господин Еджав Вулбари, именуемый последователями Шейх, а особо приближенными – «ата», недовольно разглядывал толстенького пожилого негра с тремя шрамами на лбу. Такими же, как у него самого...

* * *

– Не будь ты моим родственником, – сердито заявил Вулбари, – я лишил бы тебя ничемной жизни!

– Но, ата, в чем моя вина? – обиженно возразил толстяк. – Я убедил белого подождать три дня! Я сразу связался с Али! Если Али не сумел сделать всё, как надо, – это его горе!

– Али не виноват, – холодно уронил Вулбари. – Это твоя вина. Ты обязан был выяснить, кто этот мальчишка!

– Я выяснял! – воскликнул толстяк. – Я позвонил в «Хайатт»! Мальчишка зарегистрировался под фамилией Саянов. Откуда мне было знать, что он – сын самого Тенгу Заяна?

«Если он узнает, что я знал, – мне конец!» – мелькнула паническая мысль в голове перепуганного чиновника.

– Полный идиот! – сказал Вулбари, обращаясь к своему секретарю Раххаму, сидящему с непроницаемым выражением лица.

– Отрезать ему уши? – деловито предложил секретарь.

Толстяк посерел, щеки его затряслись.

– Стоило бы, – кивнул Вулбари. – Имея в руках сына Тенгу Заяна, я бы многое смог. Всё приходится делать самому. Даже мой умник братец – и тот страдает галлюцинациями. Подумать только: принять сына русского богатея за киллера!

И вновь обратил свое внимание на Буруме:

– Из-за таких, как ты, я сижу здесь, а не в президентском дворце!

– Но у нас есть его девка! – воскликнул окончательно перетрусивший Куто Буруме.

– Девка? – Вулбари расхохотался.

Даже тонкие не по-африкански губы Раххама растянулись в усмешке.

– У тебя есть дочь? – спросил Вулбари.

– У меня трое сыновей. – В голосе Буруме осторожность смешалась с гордостью.

– Сколько ты дашь за жену старшего из них?

– Сколько? – Толстяк насторожился, чувствуя подвох. – Много! – сказал он, подумав. – Полтысячи дам! Эта женщина хороша!

– А сколько ты дал бы за девку своего сына? – спросил Вулбари.

До чиновника наконец дошло.

– И все-таки она небесполезна, – сказал Раххам, и Буруме бросил на него признательный взгляд.

– Может, молодой Саянов захочет получить ее обратно и это даст нам возможность его схватить? Ата, я бы посоветовался с полковником. Белый лучше поймет белого.

– У полковника довольно дел! – отрезал Вулбари. – Ты! – он снова обернулся к чиновнику. – Возвратишься в столицу. Ты выйдешь на связь с сопляком...

– Он меня выдаст! – жалобно воскликнул Буруме.

– Тем хуже для тебя! Ты вступишь в контакт с молодым Саяновым! Ты убедишь его, что он может получить обратно свою девчонку. За деньги.

– Выкуп не должен быть большим, – вмешался Раххам. – Так, чтобы сыну не пришлось просить денег у отца.

– Я узнаю, сколько у него на счету! – заверил Буруме.

– Только будь порасторопней! – продолжал Вулбари. – Потом дашь знать Али. Он его схватит при первой же возможности и доставит сюда. Почему вы не выкрали его из больницы?

– Но его палату сторожил помощник шефа полиции! – жалобно проскулил Буруме.

– Вот видишь, – сказал Вулбари. – Шефу полиции известно, кто такой этот парень. А тебе – нет. Воистину я должен выпустить тебе кровь. Ты ее позоришь!

– О нет, ата! – воскликнул Буруме с жаром. Он перепугался не на шутку. – Я вернусь! И я буду полезен, вот увидишь!..

* * *

Из всего этого разговора Веерховен не понял ни слова. Черные говорили на своем языке. Рихард заскучал и переключился на другую камеру...

И тут ему стало намного интереснее.

Девушка сидела на кровати, подобрав под себя ноги.

Лицо ее было мрачным. Рихард увеличил изображение.

Да, девчушка в депрессии. Неудивительно, если вспомнить то, что проделал с ней Бык-Штабб.

«Но, крошка, – подумал он. – Нельзя же так вот сидеть, тупо глядя перед собой! Ты должна взять себя в руки! Встать, прогуляться...»

Словно бы уловив его мысли, девушка вялым движением поднялась на ноги и подошла к окну. Фигурка у нее была изумительная! Короткий халат из алого шелка не скрывал ни одного изгиба, ни одной выпуклости.

А вот насчет прогуляться...

Окно было защищено изнутри стальной решеткой. Раньше ее, вроде, не было. Или – была?

«Вулбари боится, как бы птичка не улетела, – подумал Рихард. – Или – как бы к ней кто-нибудь не прилетел! Приглядывать бы ему за ней получше...»

Тут лейтенанта уколола зависть. Если старый черный козел завел себе красотку, то почему он, Рихард, должен обходиться без женщины?

Девушка стояла у окна, держась руками за стальные прутья.

«Что она там разглядывает?» – подумал Веерховен с досадой.

Он знал, что окно выходит прямо на бетонную стену ограждения. И был не против еще раз взглянуть на личико девушки.

Лейтенант стащил с головы визор и связался с караульной.

– Найди мне полковника! – приказал он дежурному.

Спустя несколько минут худое, обожженное солнцем лицо Реймана возникло на экране. Однако сам полковник видеть его не мог.

– Сэр, – вежливо произнес Веерховен, – вас не затруднит спуститься в КЦ?

– Что-нибудь случилось?

– Да, сэр. Можно сказать и так.

– Я иду. – Лицо пропало.

Веерховен снова надел визор. Девушка стояла у окна. Плечи у нее дрожали...

«Плачет? – подумал с жалостью Рихард. – Черт возьми! Вулбари должен был вызвать к ней доктора!»

Но тут лейтенант сообразил, что Вулбари, скорее всего, ни о чем не знает.

Спина у малышки была очень несчастная. А ноги – очень красивые. Веерховен мог бы рассмотреть их подробнее: у него был еще двадцатикратный запас увеличения. Но он считал недостойным разглядывать исподтишка ноги девушки, с которой произошло такое несчастье.

С его стороны это был поступок. Малышка была первой девушкой, которую Рихард видел за последние три недели.

Зуммер оповестил, что открывается люк. Рейман.

– Ну? – пробасил полковник. – Что стряслось?

Вместо ответа Веерховен протянул ему визор.

Полковник разглядывал девушку минуты три, потом вернул визор лейтенанту. Поймав весьма заинтересованный взгляд оператора М'Танны, Рейман ответил тому таким ледяным взглядом, что у бедняги пропала охота прислушиваться к разговору офицеров. Он тут же развернул свое кресло к экранам.

– И как? – поинтересовался Рихард.

Рейман окинул подчиненного долгим оценивающим взглядом, выдержал паузу и только после этого произнес по-немецки:

– Все, что делает работодатель, касается только самого работодателя!

– Но, сэр, – осторожно возразил Веерховен. – Если имеет место нарушение закона...

– Да? – Полковник усмехнулся. – Остров является частью страны, чьим законным, как мы полагаем, лидером является наш наниматель!

– Но...

– Лейтенант, – произнес Рейман тем негромким голосом, который, как уже знал Рихард, свидетельствовал: полковник начинает сердиться, – вы подписали контракт. И вы выполняете его условия, если хотите остаться в живых. Это ваш второй контракт, не так ли?

Рихард кивнул.

– Капитан Штабб дал вам превосходную рекомендацию.

Вот это уже было новостью для Веерховена.

– Поэтому, – продолжал полковник, – вы здесь, лейтенант.

– Если я понял вас правильно, сэр, мне следует снять наблюдение с данного объекта? – произнес Веерховен.

– Нет, – Рейман усмехнулся. – Мы обязаны обеспечить наилучшую охрану. А для этого должны иметь полную информацию. Но не разглашать ее... И держать под контролем собственные эмоции!

– Да, сэр! – отчеканил Веерховен.

Полковник наклонился и прошептал ему на ухо:

– Не отчаивайтесь, лейтенант. Я сегодня же поговорю с боссом. Я буду настаивать, чтобы на остров завезли несколько женщин. Мой опыт, – он отодвинулся и прищелкнул языком, – говорит, что их отсутствие отрицательно сказывается на боевых качествах солдат!

– Да, сэр!

Веерховен ничем не показал, что ему неприятен этот тон полковника.

В этот момент компьютер сообщил, что в пределах контролируемой зоны появилось судно с работающим двигателем. Тут же было опознано и само судно: один из двух катеров, пришвартованных в восточном заливе.

Веерховен подключил большой экран и вывел на него изображение причала.

Группа людей из окружения Вулбари поднималась на катер. Среди них лейтенант разглядел того толстяка, которому Шейх устроил разнос.

– Кто это? – спросил он, указывая стрелкой на Буруме.

– Не знаю, – равнодушно ответил Рейман. – Кстати, босс пригласил меня к обеду. Вы присоединитесь, лейтенант?

Веерховен с удовольствием ответил бы отказом. Но понимал, что этого делать нельзя.

– Когда? – спросил он.

– Через... час двадцать! – ответил Рейман, взглянув на экранные часы. И шагнул к лестнице.

Охранник поспешно вскочил и вытянулся. Рейман не удостоил его вниманием. Открылся и закрылся люк.

Полковник прошел по коридору прямо у них над головами, но звук его шагов не потревожил тишину бункера. КЦ был полностью изолирован от внешних звуков. Даже воздух, подававшийся сюда, проходил через систему очистителей. КЦ, вмурованный в гранитную скалу на два десятка метров, был практически неуязвим. Разрушить его можно было разве что ядерным зарядом.

Веерховен надел на голову визор и обнаружил: девушка все еще стоит у окна. Но больше не плачет.

* * *

Манеры Еджава Вулбари были так же безукоризненны, как и его английский. Сквозь открытые окна в гостиную проникал уже начавший остывать воздух. Пахло морем, сухой землей и мокрой травой: лужайку перед домом недавно полили из шланга.

Как истинный мусульманин Вулбари вино и коньяку предпочитал виски. А Рихард наслаждался прекрасным мозельским, пытаясь сообразить, угадал черный «ата» его вкусы или вычитал о них в досье.

Прошло почти тридцать минут с начала обеда, когда Вулбари задал, наконец, вопрос, которого ждали Рейман и его лейтенант:

– Ваш офицер, полковник... Я слышал, он убит?

– Убит? – Рейман поднял брови. – Кто вам сказал?

– Раххам, – Вулбари повернулся к секретарю. – Кто нам сказал, что капитан Штабб – убит?

– Я сам видел тело, ата.

– И с чего вы взяли, что капитан убит? – с нескрываемой неприязнью произнес полковник.

– Это очевидно! – холодно ответил секретарь Вулбари.

– А вот доктор другого мнения! – с сарказмом уронил Рейман.

– Да, полковник? – с подчеркнутой вежливостью проговорил Раххам.

– Он полагает, что смерть наступила в результате сердечного приступа.

– Я видел труп, полковник!

– Рад за вас! Доктор также считает, что кроме нескольких царапин, повреждений на теле нет! Что же до всего остального, то я продолжаю расследование.

– На нем действительно нет повреждений? – спросил Вулбари. – Раххам?

Секретарь пожал плечами.

– Лейтенант может подтвердить мои слова, – сказал Рейман.

– Да, сэр! – кивнул Рихард. – У вас прекрасная кухня! И замечательное вино!

Вулбари вежливо улыбнулся.

– Так или иначе, у нас возникают проблемы, – сказал Рейман. – Мне нужен другой офицер.

– У вас есть офицеры! Мубарик и он, – Вулбари показал взглядом на Веерховена.

– Лейтенант занят собственной работой. Здесь, на острове, и с тем количеством солдат, которое сейчас под моим началом, я, разумеется, управлюсь. Но если придется расширить зону действий, как мы планируем...

– В этом случае я найму вам столько офицеров, полковник, сколько вы сочтете нужным! – важно произнес Вулбари.

Веерховен разглядывал Раххама. Они были примерно одного возраста. И африканец был таким же типичным представителем своего народа, как Рихард – своего. Так полагал сам Веерховен. Если бы он лучше разбирался в антропологии, то заметил бы в секретаре Вулбари примесь арабской крови. Скользнув глазами по противоположной стене, он обнаружил в дюйме над верхним краем окна крохотный «глазок» телекамеры. Интересно, знает ли о нем Еджав Вулбари? Вполне возможно, что нет. Оборудование Веерховена было установлено до того, как Шейх переселился на Козий Танец.

Глава вторая

Огневые контакты в африканском лесу

Рихарда разбудил зуммер. Прежде чем взять трубку телефона, лейтенант взглянул на часы. 01.37. Он спал чуть больше двух часов.

– Да! – сказал он хриплым спросонья голосом.

– Лейтенант! – услышал Веерховен голос оператора. – В секторе двадцать три – движущийся объект!

– Заблокируйте систему уничтожения, – распорядился лейтенант. – Я сейчас спущусь.

Встав с постели, он быстро оделся, ополоснул лицо и в 01.42 уже садился в свое кресло в КЦ.

Система поражения была отключена, но, переведя изображение на собственный дисплей, Веерховен убедился, что в этой предосторожности не было нужды. Объект не имел двигателя и не представлял собой значительной массы металла. Компьютер не смог идентифицировать его, но сам Веерховен сделал это без труда, как только объект оказался в пределах дальности приборов ноктовидения. Рыбачья лодка, маленький парусник,двигающийся к западному побережью острова.

Выдвинув ящик стола, Рихард вытряхнул на ладонь розовую капсулу и отправил в рот. Через минуту в голове прояснилось.

Сначала лейтенант решил, что парусник движется наугад, не предполагая, что впереди – земля: на западной стороне Козьего Танца определенно не было никаких огней. Но потом Веерховен сообразил, что сейчас – полнолуние. Значит, конический силуэт острова должен быть отчетливо виден на фоне более светлого неба. Лейтенант перешел на инфракрасный диапазон и обнаружил, что команда парусника состоит из трех человек. Рыбаки?

Что-то было не так. Что?

«Огни, – сообразил Рихард. – Парусная лодка идет к острову, не зажигая огней. Подозрительно. Уничтожить?»

Рука Веерховена повисла над клавиатурой. Одно прикосновение – и от лодки останется груда щепок. А от трех людей и вовсе ничего не останется...

Человек, который стоял на носу лодки, то и дело наклонялся.

«Промеряет глубину», – догадался лейтенант.

Парусник двигался медленно, время от времени меняя галс.

Веерховен вывел на экран общие данные: скорость, отсчет времени, предположительное время нахождения в зоне поражения...

Второй человек на носу лодки стоял неподвижно. В руках он держал длинный предмет. Оружие?

Веерховен нажал клавишу...

* * *

– Глубина – восемнадцать футов! – сообщил Тенгиз, который сидел на корточках рядом со стоящим, расставив ноги, Таррарафе.

Африканец, сжимая в руках ружье, вглядывался в темную поверхность океана. Зрение у чернокожего было как у кошки.

Остров, черная громада без единого проблеска, медленно вырастал, заслоняя звездный ковер неба.

– Влево! – скомандовал Таррарафе, углядевший впереди светлую полосу рифов.

Несмотря на легкий бриз, океан был гладким, как стекло.

Полная луна висела прямо у них над головами. Чудесная ночь. Светлая, тихая. Идеальная ночь для того, чтобы пристать к неизвестному острову. Если только на берегу их никто не ждет. Что ж, даже в лунную ночь не всякий глаз обнаружит парусник, бесшумно скользящий по воде. Мысленно Жилов похвалил предусмотрительность Таррарафе.

– Глубина – двадцать!

– Еще влево! – произнес масаи.

Запах океана смешивался с запахом рыбы, пропитавшим их лодку. Слабый шум прибора могли уловить только чуткие уши африканца.

«Таким ходом мы подойдем к острову минут через тридцать», – подумал Тенгиз.

Будь сейчас день, можно было бы обойти остров и подыскать наиболее подходящее место для высадки. Ночью даже Таррарафе это не удастся.

– Глубина – двадцать один фут!

Ноздри охотника-масаи осторожно втягивали воздух. Он пытался учуять дым или еще что-нибудь подозрительное. Но учитывая, что ветер дул с моря, вряд ли это удастся. На черно-кожем не было ничего, кроме набедренной повязки да пояса с ножом и боеприпасами в водонепроницаемой упаковке. До острова, скорее всего, придется добираться вплавь. Непросто, учитывая вес его ружья. Интересно, много ли в здешних водах акул?

– Еще влево! – произнес Таррарафе. Кажется, полоса рифов кончается? Да, верно!

– Двадцать три фута! – сообщил Тенгиз.

– Правее! Прямо к берегу! – распорядился Таррарафе.

Тенгиз услышал, как за его спиной хлопнул парус.

Теперь нос лодки глядел прямо на Козий Танец...

– Двадцать футов...

* * *

Веерховен нажал клавишу, и в спальне полковника раздался звонок.

– Да!

Рейман отозвался так быстро, словно уже держал руку на трубке.

– У нас гости, сэр! – сказал Рихард.

– Кто?

– Рыбачья лодка.

Сжато и точно он описал ситуацию.

– Прикажете уничтожить, сэр?

– Нет. Наблюдайте. Я сейчас спущусь.

Полковник положил трубку и снова снял ее:

– Господин Вулбари, прошу прощения за поздний звонок...

– Я не сплю. Что случилось, полковник?

– К острову приближается лодка. Какие будут распоряжения?

– Задержать, – коротко ответил кандидат в президенты и отключился.

* * *

– Это они, – сказал Еджав Вулбари Раххаму.

– Да, ата. Наверняка. Вы не предупредили полковника. Почему?

– Пусть поработает вслепую. Посмотрим, как он управится.

* * *

– Они достигнут берега минут через двадцать, – сказал Веерховен.
Рейман не ответил. Он изучал парусник.
– Через пятнадцать минут лодка выйдет из зоны поражения, – предупредил лейтенант.
– Здесь им к берегу не подойти, – сказал полковник. – Они сядут на камни. Или будут добираться вплавь. Лейтенант, свяжите меня с караульной!
– Да, сэр!
– Бичим, это ты? Направь группу из десяти человек в сектор двадцать четыре. Юго-западное побережье. Приближается парусная лодка. Экипаж – три человека. Вероятно, вооружены. Взять живыми. Пойдет отделение капрала Наками. Вопросы, сержант?.. Исполняйте! – И полковник отключился.
Парусник обогнул цепь скал и теперь двигался прямо к берегу.
– Сэр?
Уловив сомнение в голосе Веерховена, полковник оторвался от экрана.
– Что вас смущает, лейтенант?
– Сэр! Все наши системы огня ориентированы на объекты вне территории острова.
– Мне это известно. Группа из десяти человек – более чем достаточно, чтобы захватить троих. Даже если это не просто рыбаки.
– Да, сэр! Джим, – спросил Веерховен оператора. – Как в других секторах?
– Ничего, сэр!
На третьем дисплее вспыхнуло предупреждение: открыты ворота. И сразу же – изображение выходящей группы.
– Они пошли, сэр!
– Вижу, – буркнул Рейман. – У них пятнадцать минут.

* * *

– Восемь футов! – сообщил Таррарафе.
– Зарифить парус! – приказал Жилов.
Тенгиз бросился к мачте. На то, чтобы убрать парус, ему потребовалось чуть больше минуты.
– Десять футов! – раздался голос Таррарафе. И сразу: – Семь футов!
Тенгиз взглянул на остров: до берега оставалось не меньше кабельтова.
– Якорь! – скомандовал Жилов.

* * *

– Соседний глаз! – приказал Рейман.
Веерховен вывел изображение на второй монитор.
Теперь им хорошо была видна группа солдат, укрывшихся за камнями. Отделение капрала Наками. Они подошли вовремя.
– На лодке бросили якорь, – сказал Веерховен. – Вероятно, будут добираться до берега вплавь. Интересно, кто они.
– Полагаю, через часок мы это выясним.
В голосе полковника чувствовалось удовлетворение.

* * *

– Ты хорошо плаваешь, сынок? – спросил Жилов.

– Как акула. Что мне взять?

– Об акулах – не надо, – усмехнулся Жилов. – И брать ничего не надо. Если нас ждут, мы с Таррой сами управимся. Береги голову и будь ближе к нашему другу!

Африканец бесшумно соскользнул в воду и поплыл, держа ружье в поднятой левой руке...

– Давай, сынок! – поторопил Жилов, и Тенгиз, перевалившись через борт, окунулся в теплую, как суп, воду.

Ему не составило труда догнать Таррарафе и плыть рядом с ним. Минут через пять он коснулся ногами песка и выбрался на берег, опередив африканца.

Он – на Козьем Танце!

Тенгиз замер. Плеск прибоя, тихий шелест листьев... И ни с чем не сравнимое ощущение дикого первозданного мира.

Ему вдруг жутко захотелось, чтобы Лора оказалась рядом. Она как никто умела чувствовать единство природы. Так странно ему обнаружить такое у московской тусовочной девчонки... И это так его зацепило, когда...

Сзади зашуршал песок. Таррарафе.

Опомнившись, Тенгиз устремился вперед.

Несколько шагов отделяло молодого человека от линии камней, обозначающих высшую точку прилива. Он подбежал к ним, перебрался через валун, вскарабкался на второй и легко спрыгнул на песок. Тень уходящего вверх берега упала на него. И одновременно рядом раздался резкий металлический звук и жесткий голос скомандовал на ломаном английском:

– Стоять! Бросать оружие!

Что-то твердое больно уперлось в голую спину Тенгиза. Он застыл. Позади раздался стук упавшего на песок тяжелого предмета. Ружье Таррарафе.

Через несколько секунд они стояли в окружении полудюжины солдат, освещенные яркими лучами фонарей. Тенгиза не обыскивали – на нем ничего не было, кроме плавок. У Таррарафе отняли пояс.

Тенгиз успел разглядеть, что все солдаты – чернокожие и вооружены автоматами. Вид у тех, кто их захватил, был довольно воинственный.

– Ведите себя тихо, – заявил один из солдат, видимо старший. – Останетесь в живых! Вперед!

Тенгиз быстро оглянулся, за что получил тычок прикладом в спину. Но молодой человек узнал то, что хотел узнать: Жилова с ними не было!

* * *

– Раздолбаи! – прорычал полковник. – Они проворонили третьего!

На экране монитора они отлично видели, как один из гостей отделился от двух других, нырнул в воду – и вынырнул двадцатью метрами левее. Он не мог видеть, как захватили остальных: мешали камни. Но зато наверняка всё слышал. Если только не был глухим.

Судя по тому, как осторожно этот третий передвигался по берегу, полковник и Веерховен поняли: рассчитывать на его глухоту не приходится.

Рейман схватился за рацию и попытался вызвать старшего группы.

– Мы экранированы, сэр, – заметил Веерховен и переключился на радиостанцию компьютера. Но ответил ему не капрал Наками, а сержант Бичим.

– Да, сэр?

– Почему... – зарычал Рейман, но тут же опомнился. – Сержант! Возьми еще десять парней и двигай на побережье! Сам! Болван Наками упустил одного! Будь начеку, сержант!

– Да, сэр! – последовал лаконичный ответ.

– Он сделает, – удовлетворенно произнес полковник, откинувшись на спинку кресла. Именно в этот момент солдаты, захватившие Тенгиза и Таррарафе, вошли в лес.

* * *

Жилов убедился, что оба якоря надежно зацепились за грунт, и соскользнул в воду. Оружия он брать не стал. Только нож. Зато это был «счастливый нож». Много лет назад его подарил Даниле прадед Тенгиза. Подарил после того, как с помощью этого ножа избавил старшего лейтенанта Жилова от чести стать главным блюдом на туземной трапезе. Жилову было, конечно, приятно, что черные воины отдают дань его храбрости, но он надеялся на совсем другое будущее. Без полковника Саянова, Белого Дьявола, это другое будущее так и не наступило бы.

Шагах в тридцати Жилов слышал негромкий плеск: Тенгиз и Таррарафе плывут медленно, не так уж трудно будет догнать их. Жилов заскользил по воде. Зеленые искорки вспыхивали там, где руки Жилова раздвигали воду.

Но не успел Жилов проплыть и тридцати метров, как струя воды, ударившая снизу, слегка приподняла его над водой. Он погрузил лицо в воду и увидел нечто большое и темное, обрамленное зеленоватым мерцанием потревоженных микроорганизмов, быстро исчезающее в глубине. Данила не стал вникать, кто это был. Вынырнув, он прислушался. Масаи и Тенгизу требуется еще минута-полторы, чтобы достигнуть безопасной линии камней. Нашупав рукоять ножа, он проверил, легко ли тот выходит из ножен. Против акулы – слабое оружие, но у его друзей не было и этого. Данила должен отвлечь хищницу. Если она не ушла. Нет, Жилов чувствовал: акула кружит где-то поблизости. Конечно, у человека нет боковой линии рыб, реагирующей на колебания воды, но и человеческая кожа обладает определенной чувствительностью. Особенно если море спокойно. Самым эффективным было бы оцарапать ножом руку. Вкус крови наверняка привлечет хищницу. Но в этом случае акула может решиться на нападение, а это Жилову вовсе не улыбалось. И он применил другой прием: быстро заработал ногами. Беспорядочные резкие движения, напоминающие, как он слышал, движения раненой рыбы, тоже должны заинтересовать хищницу.

И они действительно ее заинтересовали. Жилов увидел белое пятнышко пены, стремительно несущееся к нему. Острый плавник рассекал водную поверхность!

Жилов нырнул. Под водой, ночью, без маски было почти ничего не видно, но все-таки Жилов ухитрился разглядеть несущееся на него существо. Взмахнув кинжалом, он попытался полоснуть хищницу. Но акула ловко обогнула человека и ушла вниз. Жилов вынырнул, жадно глотая воздух... И почувствовал пятками колебания воды. Он задрогал ногами, надеясь уже не привлечь, а отпугнуть хищницу. Жилов почти чувствовал на них режущий удар пилоподобной пасти... Но в последний момент акула изменила угол атаки. Струя воды обдала Жилова снизу... и что-то вскользь задело его колено.

У Данилы отлегло от сердца. Кожа этого существа не была наждачной шкурой акулы. Она была гладкая, как поверхность резинового мяча. Дельфин!

Жилов сунул нож в чехол. Слава Богу! Он быстро поплыл к берегу, а морское млекопитающее кружило рядом, то и дело задевая человека упругим боком.

– Прости, малыш, – прошептал Жилов. – Мне некогда с тобой играть. Ну и напугал же ты меня, дружище!

Жилов достиг камней, когда его друзья уже выбрались на берег. И тут он от всего сердца поблагодарил дельфина. Минутная задержка спасла его. Засада! Данила, укрывшись за кам-

нем, различил силуэты людей там, на берегу. Люди эти скрывались от вышедших на берег, но Данила со своего места видел их превосходно. С поправкой на ночное освещение, разумеется.

Он еще мог предупредить друзей, но не стал этого делать. Если противник вооружен, по ним немедленно откроют огонь. И даже если им всем удастся без ущерба покинуть остров, всё равно рыбацья лодка – судно малопригодное для боевых действий.

Нырнув, Жилов поплыл под водой параллельно берегу и, почувствовав под ногами песок, залег у кромки прибоя, выжидая. Сначала Данила слышал голоса, а потом увидел отраженный свет фонарей. Когда звуки и свет отдалились, Данила, переждав еще пару минут, ползком пересек открытое пространство и укрылся за камнями. С новой позиции Жилов мог видеть солдат, захвативших его друзей.

Врагов было семеро. Нет, больше. Еще трое стояли поодаль, наблюдая за морем и берегом. Десять человек. Все вооружены. Что ж, интуиция не обманула Данилу. В открытой схватке у него было бы совсем мало шансов на успех. А уж Тенгиза убили бы наверняка.

Жилов чувствовал свою ответственность за мальчика и полагал, что должен оберегать Тенгиза. Может быть, даже ценой собственной жизни. Однако это еще не повод, чтобы отдать эту жизнь в безнадежной схватке.

Жилов видел, как солдаты и их пленники начали подниматься по склону.

Никто не остался, чтобы прикрыть отход. Значит, солдаты чувствуют себя в безопасности здесь, на острове.

Это очень хорошо. Беспечность врага – серьезное преимущество для Жилова. Однако надо поспешить. И там, куда ведут пленников, может быть не десять солдат, а намного больше. Поэтому Жилов должен перехватить их по дороге.

То, что ему предстояло в одиночку и безоружному справиться с десятью вооруженными солдатами, мало смущало Данилу. В джунглях за ним будет преимущество внезапности. Да и на масаи можно твердо рассчитывать. Со своим ружьем Тарра стоит пятерых солдат. Но и без ружья он тоже способен управиться с одним-двумя.

В лесу, разумеется, а не на открытой местности.

Жилов мог бы выйти на тропу следом за хозяевами острова, но из осторожности не стал этого делать. Если они все-таки оставили прикрытие, весь его замысел рассыплется.

Перед Жиловым был почти отвесный каменный склон примерно шестиметровой высоты. Выше начинался лес. Петли лиан раскачивались в трех метрах над головой Данилы.

Жилов зацепился пальцами за выступ скалы, подтянулся на руках, отыскал бугорок, годный, чтобы поставить большой палец ноги. Нашупал над головой длинную трещину и подтянулся еще на полметра. Пара рывков – и он уцепился за толстую лиану.

Через минуту он уже стоял в густой траве, прикидывая направление и прислушиваясь.

Деревья росли довольно редко – лес был старый. Это было хорошо. Мало света и много свободного пространства между стволами.

«Будем надеяться, я не наступлю на змею», – подумал Жилов и побежал вверх. Напрямик он двигался вдвое быстрее, чем солдаты – по расчищенной тропе. В лесу почти не было подраста: Жилову ни разу не пришлось пустить в ход нож.

Солдат Жилов слышал шагов за сорок. Впрочем, они и не таились. От кого?

Жилов пропустил мимо себя цепочку. Все десять. Парами. Пленники – следом за первой двойкой.

Перебегая от ствола к стволу, Данила следовал за группой шагов двести. Как ни старался он ступать бесшумно, длинная трава шуршала под босыми ногами. К счастью, этот звук тонул в сотнях других шорохов ночного леса.

Жилов видел: солдаты расслабились. Слишком легко прошел захват. Только те, кто шел непосредственно за пленными, держали оружие наизготовку. Винтовку Таррарафе нес солдат,

идуший слева в первой паре. Данила был уверен: при первой же возможности масаи вернет себе оружие.

Над головой Жилова пронзительно закричала обезьяна. Едва она умолкла, Жилов выскользнул на тропу позади солдат, в два шага настиг идущих последними и одновременно ударил обоих ребрами ладоней, между ухом и затылком, чуть ниже края каски. И успел поймать их за воротники прежде, чем солдаты повалились на землю. Жилов «помог» им улечься тихо: нелегкая задача – вместе оба солдата весили пудов десять.

Данила в совершенстве владел тактикой леопарда, нападающего на последнего в цепи и уносящего его в джунгли настолько бесшумно, что товарищи могут пройти еще целую милю, ничего не заметив. Но сейчас Жилову предстояло уложить еще как минимум шестерых.

Тропа сузилась до полутора метров. Однако солдаты продолжали идти парами, даже задевая локтями ветки. Ночная птица с громким уханьем перепорхнула с одного дерева на другое прямо перед идущими впереди. Один дернулся от неожиданности и выругался. Второй, тот, что нес ружье Таррарафе, засмеялся.

Жилов прыгнул вперед. Его кулаки с четкостью механических поршней врезались в основания черепов двух последних солдат раньше, чем умолк смех. Сделано.

Осталось шестеро.

Жилов следовал за поредевшим отрядом, лишь изредка позволяя себе короткий взгляд на спины идущих впереди. Любое пристальное внимание может насторожить преследуемого, будь то человек или зверь.

Тропа опять расширилась – видно было, что здесь недавно поработали топоры, – и круто взяла вверх. Удачное место!

Бросок – два точных удара... И в этот момент идущий впереди солдат споткнулся о корень и упал, выронив автомат. Его напарник обернулся – и обнаружил Жилова, только-только уложившего двух его товарищей.

Шок от увиденного длился недолго. Автомат был у солдата в руках. Длинная очередь прошла воздух там, где только что был Жилов. В следующий миг почва ушла из-под ног стрелка, он перелетел через голову Жилова и «воткнулся» в землю тремя метрами ниже по склону. Каска уберегла его череп, но в ближайшие несколько минут беднягу можно было не принимать в расчет.

Второй солдат, споткнувшийся, только-только начал подниматься с земли. Не разгибаясь, Жилов выбросил назад ногу, и его пятка с хрустом врезалась в нос африканца.

Таррарафе не понадобилось оглядываться, чтобы понять, что происходит. В отличие от солдат, он давно уже знал о присутствии Жилова. Знал он и то, что по меньшей мере четверо выбыли из строя. Левой рукой масаи обхватил горло идущего впереди и быстро развернул его лицом к напарнику. Правая же рука масаи легла на шейку приклада собственного ружья, которое держал солдат. Его напарник вскинул автомат, но медлил нажимать на спуск, опасаясь попасть в своего. Таррарафе же тянуть не стал. «Ли Энфилд» рывкнул, и пуля, прошибающая кирпичную стену, ударила автоматчика в грудь, отбросив на добрых пять шагов.

Солдат, которого держал масаи, рванулся изо всех сил... И оказался на свободе. Автомат висел у него на плече, и понадобилось полсекунды, чтобы он оказался в руках у наемника Вулбари. Таррарафе дал ему эти полсекунды, а потом резко ударил стволом ружья в живот солдата и сразу же – прикладом в висок. Масаи не любил расходовать патроны зря.

Все происходящее заняло несколько мгновений. Тенгиз ошалело вертел головой, глядя на учиненное его друзьями побоище.

Жилов наклонился над одним из солдат и стащил с него ботинки.

– Примерь, сынок, – сказал он, протягивая их Тенгизу.

Таррарафе поднял собственный пояс.

Тенгиз обулся. Не то чтобы ботинки были очень удобные, но так всё же лучше, чем босиком. Поразмыслив, он стащил с солдата повыше ростом шорты и куртку.

– Носорог! – позвал Таррарафе. – Вот смотри! – Масаи указывал Жилову на пару углублений там, где травяной покров был вытопан. – Коба?¹ – спросил он.

– Коба, в лесу? – удивился Жиллов. – Может, бушбок?

Таррарафе покачал головой.

Жиллов потрогал пальцем край следа.

– Совсем свежий, – сказал он. – Ну и что?

– Только два! – уточнил масаи.

Жиллов, прикинув направление и расстояние, прошел несколько шагов вперед и уткнулся носом в траву, как пес, вынюхивающий след. Через полминуты он нашел то, что искал.

Таррарафе, раздвинув стебли травы, посмотрел на отпечатки и покачал головой еще раз.

– Передние ноги, – произнес он. – Не бушбок!

– Никакая антилопа не может скакать только на передних ногах! – возразил Жиллов.

– Антилопа – нет, – ответил масаи. – Ан...

Сверху ударила очередь, и пули взрыли землю позади Жилова. Он упал вперед, откатился в сторону и зацепил рукой ремень лежащего на земле автомата. Еще один бросок под защиту древесного ствола – и Жиллов наугад послал короткую очередь вверх по склону. Ответом ему был грохот полудюжины автоматов и целая стая пуль. Некоторые ударили в ствол, за которым прятался Жиллов. Данила ухватил за ногу ближайшего солдата, подтянул к себе и забрал под-сумок. Солдат был из тех, кого Жиллов оглушил во время подъема. Полминуты назад он был жив. Теперь же на его спине чернели три небольших отверстия. Три пули, которые предназначались Жилову.

Едва прогремела очередь, Таррарафе прыгнул к растерявшемуся Тенгизу, застывшему в полный рост на тропе, и дернул его за ногу. Тенгиз упал, больно ударившись локтем о выступающий корень.

– Спасибо! – успел выкрикнуть он за миг до того, как все звуки вновь утонули в грохоте выстрелов.

– Лежать! – заорал ему на ухо Таррарафе и для надежности прижал голову молодого человека к земле.

Стрельба прекратилась. Тенгиз по-прежнему лежал, уткнувшись носом в траву. У него звенело в ушах.

– Тарра! – послышался совсем рядом окрик Жилова. – Уходим! В лес!

– Вставай! – рявкнул Таррарафе, рывком поднимая Тенгиза на ноги. – Бери!

Послушно взяв автомат, оказавшийся довольно тяжелым, Тенгиз растерянно огляделся. Вокруг был лес. Темный, неудобный, полный врагов. Тенгиз даже не знал, с какой стороны стреляли. Ощущение было такое, будто – со всех сторон.

– Вперед! – прошипел масаи и подтолкнул его в нужном направлении.

Тенгиз послушно побежал в темноту. Ноги в тяжелых ботинках плохо слушались.

Снова загремели автоматы. Стреляли наугад, и Таррарафе не слишком обеспокоился. Медленно ведя ствол «Ли Энфилда», он выискал цель. Не труднее, чем засечь вспыхнувшие во тьме глаза леопарда.

Стрельба прекратилась, и Таррарафе нажал на спуск. Попал. Чуткий слух масаи уловил среди других звуков вязкий шлепок, с которым пуля ударяет в живое мясо. Вскрика не было, значит, выстрел оказался смертельным. Хотя это не так уж важно. Из оружия такой мощности достаточно просто попасть. Противник с оторванной ногой – уже не противник.

¹ Коба – африканская антилопа.

Снова затрещали автоматы. Масаи терпеливо выждал, определив цель, нажал на спуск (есть!) и ринулся в чашу. Вовремя. На сей раз масаи засекли и обстреляли место, где он только что стоял. На здоровье! Ночью в лесу Таррарафе готов играть в такую игру хоть с целой сотней солдат.

Ослепительно белое пламя взметнулось посередине тропы. Воздух сгустился, с упругой силой ударил Тенгиза в спину и швырнул наземь.

В третий раз ухнуло ружье Таррарафе. Звук его выстрела отчетливо выделялся в захлебывающемся звонком лае автоматов.

Еще одна вспышка озарила все вокруг со звуком, похожим на звук лопнувшего воздушного шара. Шара размером с дом.

«Граната», – сообразил Тенгиз.

Пошарив рукой вокруг, он нащупал автомат. Глаза его не видели ровным счетом ничего. Тенгиз встал на четвереньки, но подняться на ноги было выше его сил. Казалось, воздух над ним состоит из свиста пуль и треска срезаемых ими веток. Третья граната разорвалась так близко, что Тенгиза опять опрокинуло на землю. Но удача, похоже, была с ним: ни один осколок не задел. Стоило представить, как раскаленный зазубренный кусок стали вспарывает живот, и становилось дурно.

Третья граната подожгла кустарник, и Тенгиз увидел масаи. Чернокожий, выпрямившись во весь рост, целился куда-то в темноту. Выстрелил. Красное пламя вылетело из ствола. Таррарафе согнулся и, упав на землю, откатился шагов на пять. Тенгиз подумал: его подстрелили. Но масаи, привстав на колено, под защитой толстого, в три обхвата, ствола, отсоединил магазин, торчавший снизу, у приклада, поставил новый. Тенгиз видел каждое движение Таррарафе, и ему пришло в голову, что он тоже должен участвовать в бою. Подняв автомат, он прицелился туда, куда стрелял масаи, и нажал на спуск. Ничего не произошло.

«Предохранитель», – подумал Тенгиз.

В прыгающем свете горящего куста он нашел маленький рычажок, передвинул его и снова нажал на спуск.

С тем же успехом.

Тенгиз истерически засмеялся, еще раз щелкнул предохранителем: странно, что в грохоте и треске он слышал этот сухой металлический звук, и в третий раз, чисто механически, нажал на спусковой крючок.

Оружие у него в руках оглушительно бахнуло. Приклад с такой силой треснул в плечо, что оно сразу онемело. Единственной пользой от выстрела было то, что Тенгиза заметил масаи. Он тут же оказался рядом, бесцеремонно ухватил стоящего на коленях Тенгиза за куртку и поставил на ноги.

– Уходи, малый! Уходи! – закричал он и бесцеремонно пнул молодого человека коленом под зад.

Левой рукой держа автомат (правая слушалась плохо), Тенгиз затопал в указанном направлении.

Таррарафе обогнал его, закричал «Беги!», повернулся, выстрелил назад, помчался длинными прыжками, как заяц, обогнав Тенгиза... Тот припустил быстрее, споткнулся и полетел носом в землю. Из глаз посыпались искры.

Когда через мгновение Тенгиз поднял голову, Таррарафе, пригнувшись, теми же длинными прыжками бежал к нему... Но не добежал. Сбоку, футах в шестидесяти, разорвалась граната, и масаи упал.

Позабыв про пули, Тенгиз вскочил и бросился к чернокожему.

Он снова ничего не видел, но запомнил, куда бежать. Таррарафе был жив. Молодой человек слышал, как тот шипит и ругается в темноте. Потом щелкнула зажигалка, и в ее тусклом свете Тенгиз увидел, что нога масаи от середины бедра до колена залита кровью. Огонек погас.

Тенгиз помог Таррарафе подняться. Его страх куда-то пропал. Теперь Тенгизу Саянову было совершенно наплевать на пули.

– Дай мне ружье! – крикнул он.

– Нет! – Масаи скрипнул зубами и, вцепившись в плечо молодого человека, побежал вперед. Да так быстро, что было непонятно, кто из них ранен.

Но шагов через пятьдесят Таррарафе поубавил прыти. Плечо Тенгиза, ушибленное прикладом, ныло под тяжестью чернокожего друга. А позади продолжали стрелять. И пули пролетали совсем близко.

– Я здесь! – вдруг раздался рядом голос Жилова.

Данила подхватил Таррарафе с другой стороны – Тенгизу сразу полегчало. И двигаться они стали куда быстрее.

– Мы уйдем! – бодро заявил Жиллов.

Стрельба позади почти прекратилась. Лишь изредка короткие очереди разрывали тишину.

– У них нет собак, – пропыхтел Жиллов через минуту. – Мы оторвемся!

Но уверенности в его голосе было поменьше, чем минуту назад.

Тенгиз оглянулся и увидел далеко позади огни фонарей.

– Надо остановить кровь, – прохрипел Таррарафе.

– Давай, – с готовностью согласился Жиллов. – Займись! А я пощиплю их сзади...

Странный звук возник где-то рядом. Негромкий, чистый, напоминающий отдаленный зов горна.

Пальцы Таррарафе больно вонзились в плечо Тенгиза.

– Не двигайтесь, – прошептал масаи.

Глава третья

Ночной кошмар лейтенанта Веерховена

Грохот выстрелов, пойманный наружными микрофонами, прошел через динамики КЦ.
– Всё, – сказал полковник, вставая и потягиваясь. – Бичим начал охоту. – В его голосе чувствовалось удовлетворение.

– Вы уверены, что он доведет дело до конца, сэр? – спросил Веерховен.

– Бичим? – Полковник засмеялся. – Он как бультерьер: вцепится – не отпустит. И с ним – десять солдат. Бьюсь об заклад, М'Батта-следопыта он тоже прихватил с собой. Будь этот диверсант хоть ниндзя, они его достанут.

Веерховен не стал спорить: полковник знает, что говорит.

– Идите спать, лейтенант, – сказал Рейман. – Завтра будет нелегкий день.

Рихард и на этот раз не стал спорить.

– Джим! – бросил он оператору. – Переводи на себя.

И тоже поднялся.

– Вы идете, полковник?

– Да, – сказал Рейман. – Минут через десять. Не ждите меня, лейтенант, отдыхайте.

Когда Рихард разделся, лег и погасил свет, он полагал, что уснет сразу. Не тут-то было. Действие стимулятора еще не прошло, и сна – ни в одном глазу. Рихард посмотрел на светящиеся цифры часов: 3.47. Еще какой-нибудь час – и рассветет. Больше на часы он не смотрел. Казалось, прошло довольно много времени, когда Рихард наконец погрузился в дрему...

...Звон стекла разбудил его.

Ничего не понимая, лейтенант сел на постели, бросил взгляд на часы. 4.18! Черт возьми, сколько же он спал?

Но часы говорили правду: снаружи было темно. Рихард снова опустился на подушку...

Вот напасть! От сна опять ничего не осталось. И пульс не меньше ста. Что же его разбудило? Вытянув руку, Рихард щелкнул клавишей бра. Лампочка вспыхнула очень ярко... И тут же погасла. Перегорела. Перед глазами Рихарда плыли розовые круги. Черт! Придется ему встать.

Он поднялся. Но не успел он сделать и двух шагов, как острая боль пронзила ногу.

Вскрикнув, Веерховен шагнул назад... и боль обожгла вторую ногу!

Змея! Черт возьми! Так он и знал, что змеи здесь все-таки есть! Надо же, как не везет! Надо срочно позвонить доку!

Осторожно отойдя к противоположной стене (черт возьми! боль в ногах была ужасающей!), Веерховен обошел опасное место и вдоль стены подобрался к выключателю. С бешено колотящимся сердцем (яд уже действует?), взмокший от пота, Рихард наконец зажег свет. И осторожно повернулся.

Никаких змей на полу не было. Он наступил на стекло.

Рихард рассмеялся. Он испытал огромное облегчение. И порезы на подошвах сразу стали меньше болеть. По крайней мере, теперь он знал, что его разбудило.

На полу, среди осколков оконного стекла (Бог знает, почему он оставил это окно закрытым – здесь же нет москитов), лежала мертвая маленькая сова.

Обойдя осколки, Веерховен вернулся к постели и сел. Осмотрев собственные ноги, он убедился, что всё не так страшно. Два пореза, чистые и неглубокие. Ерунда! В разбитое окно вливался свежий прохладный воздух.

«Ночи здесь замечательные!» – подумал Веерховен, глядя на блестящие в электрическом свете листья снаружи.

Дерево росло прямо у окна. И зеленая лиана обвивала красно-коричневый ствол. Это на ее листья падал свет.

«Славное местечко, – подумал Рихард, всё еще чувствуя слабость от пережитого стресса. – А главное, нет насекомых. Будь мы на континенте, комната была бы уже набита этой дрянью под самый потолок».

Проведя больше года в африканских джунглях, Веерховен искренне ненавидел всё мелкое, летающее и ползающее. Удивительно, как такие крохотные существа ухитряются настолько отравить жизнь!

Лейтенант снова изучил свои подошвы. Порезы продолжали кровоточить.

«Надо бы их обработать...» – подумал Рихард. Аптечка... – Он мельком глянул в окно, отвернулся... И только тогда отпечатавшееся на сетчатке дошло до сознания.

Снаружи стояла девушка!

Рихард уставился на нее, совершенно ничего не понимая.

Девушка! Черт! Совершенно голая девушка – прямо у него под окном! Девушка смотрела на Рихарда. Рихард глазел на девушку, чувствуя себя полным идиотом. Красивая девушка с великолепной грудью, которую прикрывают только белокурые волосы! А он сидит как дурак, разглядывая собственные пятки!

Но откуда она взялась? Определенно это не та малышка, которую он видел днем в резиденции Вулбари!

Что же, у черномазого там целый гарем? Целый гарем лунатичек?

Но губы Рихарда уже сами собой изобразили улыбку. Девочка – полный отпад! Мой Бог! Да она – настоящая фотомодель!

Великолепные волосы, отлично вылепленный подбородок, синие влажные глаза... Что-то в этих глазах было не так... Но все равно – потрясающие глаза! Алые полные губы казались еще ярче из-за бледности кожи. Край подоконника проходил на ладонь ниже маленьких розовых сосков, казавшихся совсем крохотными на такой упругой пышной груди! Мой Бог!

Рихард почувствовал, что должен немедленно затащить ее в постель, иначе у него внутри что-то сломается...

По-немецки (от волнения все английские слова вылетели у него из головы), хриплым от волнения голосом он задал совершенно идиотский вопрос:

– Зачем ты пришла? Ты пришла ко мне?

– Да, я пришла к тебе.

Мало того, что она ответила Рихарду на его родном языке, так еще и голос у красавицы был такой, что мурашки забегали у него по спине.

– Я очень... – Рихард откашлялся, – я очень рад!

И, встав, поклонился, совершенно забыв, в каком он виде.

– Выключи свет.

– Что?

– Выключи свет!

Да, этот голос совершенно неповторим!

Рихард устремился к выключателю, не забыв, однако, обойти осколки стекла.

Во тьме прямоугольник окна еле заметно светился.

– Осторожнее, – предупредил он. – Здесь на полу – стекло. Птица слепа...

Пальцы девушки коснулись его ладони. Она слегка оперлась на руку Рихарда и легко перепрыгнула через подоконник. Веерховен услышал, как цокнули, ударившись об пол, каблуки ее туфель. Сейчас, когда они стояли рядом, Рихард обнаружил, что красавица меньше ростом, чем он ожидал: макушка на уровне его носа... И это – на каблуках.

«Невысока для фотомодели», – подумал Рихард. И тут же забыл об этом, потому что рука гостьи обвилась вокруг его талии, а живот ее прижался к бедру Рихарда. Тело у нее было возбуждающе горячим.

И совершенно голым.

– Пойдем, – прошептал он и повлек гостью к постели.

Та нисколько не сопротивлялась.

Рихард прижал девушку к себе и повалился на кровать, увлекая за собой. Он сам не ожидал от себя подобной решимости.

– Я не слишком тороплюсь?

– Нет, нет, – проворковала красавица, с ласковой силой нажимая ему на плечо.

Следуя ее желанию, Рихард перевернулся на спину.

– О, моя кошечка! – прошептал Веерховен, обхватив ладонями ее гибкую горячую талию.

Что-то твердое уперлось ему в ногу.

– Может, ты снимешь туфельки? – предложил Рихард.

– Туфельки? – Куколка уже стояла над ним на коленях, а руки ее упирались в живот Рихарда.

Не будь боль от вонзившегося каблук такой сильной, Рихард не отсрочил бы чудесного мига и на долю секунды.

– Постой, – пробормотал он. – Я сейчас тебе помогу!

Рука его нащупала ее колено, сдвинулась дальше...

Это были не туфельки!

С диким воплем Веерховен вскочил с постели, сбросив с себя прекрасную наездницу. В два прыжка он покрыл десять футов, отделявших его от выключателя. Он снова порезал подошвы, поглубже, чем в прошлый раз, но даже не почувствовал этого.

Вспыхнул свет.

Девушка сидела на кровати, поджав под себя ноги и прикрывая рукой глаза.

Все еще дрожа от ужаса, Рихард уставился на нее.

Может, померещилось? Что за ночь, черт возьми!

У его гостьи было чудесное тело, но... из-за ее положения Веерховен не мог видеть, каковы ее ноги ниже колен.

Он шагнул к кровати... и вскрикнул от боли в порезанной ступне.

Девушка, все еще заслоняя глаза ладонью от яркого света лампы, взглянула на него. И улыбнулась.

От этой улыбки сладкая дрожь прошла по телу Веерховена.

Да нет же, он просто сумасшедший! Что на него нашло? Смущенно улыбнувшись, Рихард, хромая, двинулся к постели.

Девушка оперлась рукой на край кровати и плавным легким движением соскочила на пол. ...комочек в горле Веерховена не дал ему силы даже закричать!

Он попятился, оставляя на полу красные кровавые следы...

– ОСТАНОВИСЬ!

Голос ударил Рихарда куда-то внутрь живота, и он застыл.

Девушка подошла к нему. Рихард был не в состоянии даже повернуть голову.

Она остановилась в шаге, оглядела его с головы до ног... Так хозяйка оглядывает кусок телятины, который собирается купить для ужина...

И тут заверещал телефон.

Чудовищное существо обернулось на звук... и Рихард освободился!

Позабыв про израненные ноги, он пулей метнулся к выходу, выскочил в соседнюю комнату, захлопнул дверь за собой и повернул оставленный в замке ключ.

«Слава Богу!» – вздохнул он с облегчением, испытывая огромное желание опуститься на пол.

Сильнейший удар заставил дверь заходить ходуном.

Веерховен отпрыгнул от нее, как от ядовитой змеи. Еще один удар. Сплошная прочная дверь сотрясалась так, будто изнутри били тараном.

«Ну и силища!» – подумал Веерховен, оглядываясь в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить оружием.

Ничего подходящего! Пистолет Веерховена остался внизу, в КЦ, а в пустой комнате не было даже мебели.

Громоподобные удары продолжали сыпаться на дверь с той стороны. В комнате не было окон, вторая дверь вела в коридор. Веерховен чувствовал себя в относительной безопасности... пока не увидел, как одна из двухдюймовой толщины досок двери дала трещину.

Беспечность Веерховена как ветром сдуло. Выскочив в коридор, он ринулся к люку, ведущему в КЦ, и прижал палец к опознавателю, моля Бога, чтобы дверь выстояла еще немного. Медленно, безумно медленно стальная плита сдвинулась с места...

Треск расщепляемых досок стал еще громче. Едва плита сдвинулась на два фута, Рихард уже полез вниз.

Сработал фотоэлемент, и крышка, двинувшись назад, едва не раздавила его. Не удержавшись на лестнице, Рихард покатился вниз, цепляясь руками за ступени. Ему показалось, он услышал тяжелый грохот, с которым повалилась на пол дверь его спальни.

Онемев от изумления, охранник и оператор наблюдали за тем, как голый лейтенант катится по лестнице.

Оказавшись на полу, Рихард метнул взгляд вверх.

Толстый слой стали отделял его от чудовища.

Облегченно вздохнув, лейтенант уронил голову и потерял сознание.

Но обморок его длился меньше минуты: Веерховен был крепким парнем. Этой минуты хватило на то, чтобы его подняли, усадили в кресло и влили в горло четверть пинты виски.

Глаза Веерховена открылись и приняли осмысленное выражение.

– Что стряслось, сэр? – спросил оператор.

Веерховен не ответил. Он огляделся, сообразил, где находится. Потом обнаружил, что сам он – голый и покрыт «гусиной кожей», хотя в Центре было тепло, а внутри у Рихарда постепенно всасывался спирт высшей очистки. То ли от действия хроматографически чистого этанола, то ли сама собой память Веерховена прояснилась. И его снова затрясло.

– Что случилось, сэр? Говорите! – Охранник-капрал, не на шутку обеспокоенный, наклонился к лейтенанту.

Веерховен посмотрел на широкое черное лицо с выпяченными губами и толстым сплюснутым носом, больше похожее на морду гориллы, чем на лицо человека, – и ему полегчало. Отталкивающая ряшка капрала прямо над ним вытеснила, вернее, задвинула поглубже белое прекрасное лицо ночной гостьи.

Так ничего и не ответив, Веерховен развернул кресло и включил большой монитор.

В спальне его не было телекамер. Но в остальных комнатах они были, и, быстро «пройдясь» по дому, Рихард не обнаружил своей кошмарной красавицы. Зато обнаружил вывороченную дверь.

В спальне горел свет, и угол зрения, определенный установкой объектива, позволял видеть примерно треть комнаты. На этой трети существа не было. Но это еще ни о чем не говорило. Оно могло находиться за дверью, снаружи за окном, да мало ли укромных мест...

Веерховен нервно облизнул губы. Тотчас оператор, которого звали Джим, сунул ему в руки стакан. Рихард проглотил его содержимое, и новая порция тепла разошлась от желудка по его все еще дрожащему телу.

Веерховен быстро переключился на внешние телекамеры.

Вокруг дома, вроде бы, никого не было.

Он снова «осмотрел» домик изнутри. Но что толку, если свою спальню полностью он видеть не мог?

Оператор и охранник с большим интересом глядели на вывороченную дверь. Но вопросов больше не задавали.

– Дай мне халат! – приказал Веерховен оператору и посмотрел на часы. До рассвета оставалось не так уж много.

– Сэр, я могу подняться, – несмело предложил капрал. – Взглянуть...

– Нет! – отрезал Веерховен.

– Я мог бы принести вам вашу одежду, сэр! – настаивал охранник, которому было любопытно узнать, что же там произошло. И что за гиппопотам прошел через дверь спальни лейтенанта.

Рихард оглядел чернокожего с ног до головы. Разрешить? В конце концов, это солдат и он вооружен!

Но что-то, откуда-то из подсознания Рихарда, вопило:

«Нет!»

Секунды три он изучал капрала, пока не вспомнил...

«ОСТАНОВИСЬ!»

– Нет! – повторил он хрипло. – Люк не открывать!

Даже вызывать караульную команду вряд ли стоило.

Веерховен не был уверен, что ему удастся передать солдатам степень опасности. Он представил себе их, заходящих в домик, расслабленных, балагурящих по поводу «ночных кошмаров» белого офицера... и «ОСТАНОВИСЬ!»

«Нет!» – визжало подсознание Рихарда, и ужас, который лейтенант пережил совсем недавно, не позволял ему отнестись пренебрежительно к этому воплю.

– Расскажите нам, сэр, – вкрадчиво проговорил Джим. – Может быть, мы сумеем...

– В свое время узнаешь! – отрезал лейтенант.

Понемногу к нему возвращалась обычная уверенность. И его перестала бить дрожь.

– Занимайся своим делом! – приказал он жестко.

И оператор вернулся на место. Капрал-охранник по собственной инициативе сделал то же самое.

Веерховен взял аптечку и обработал порезы на ступнях. Подумал немного, достал из ящика флакон и проглотил капсулу. На этот раз – зеленую. И почти не шевелясь просидел еще полчаса.

Рассвело.

Теперь, говорило подсознание Рихарда, опасность стала меньше. Теперь он мог бы послать наверх капрала. Или дожидаться, пока придет М'Танна сменить Джима. Но собственный кодекс чести не позволил лейтенанту «подставить» других, пусть даже и тех, кого он считал низшей частью человечества. Да он и с собакой бы так не поступил!

Поднявшись, Веерховен размял мышцы, встряхнулся и с удовольствием обнаружил, как точно повинуются ему тело и органы чувств.

– Дай мне свой автомат! – приказал он охраннику.

Он, Рихард Веерховен, военный-профессионал, сумеет за себя постоять!

Испытывая уже не страх, а воинственное возбуждение, лейтенант открыл люк...

Наверху никого не было.

Глава четвертая

Ночные феи

Пальцы Таррарафе крючьями вонзились в левое плечо Тенгиза.

– Не двигайтесь! – прошипел масаи.

Тенгиз застыл, вглядываясь в темноту. Оранжевые огни прыгали между деревьями: солдаты приближались. Напрягая слух, Тенгиз уже мог уловить их голоса.

– Слева... – чуть слышно прошептал Таррарафе.

Тенгиз повернул голову и увидел... девушку!

Ее светлая, очень хорошо различимая в темноте фигура двигалась между деревьями всего в пятнадцати-двадцати шагах от трех друзей. Бледная, словно окутанная лунным сиянием, она казалась скорее призраком, чем реальным существом. Стройная, нагая, бесплотная, девушка «плыла» над травой навстречу преследователям. Вдруг движение ее замедлилось... и снова чистый неземной звук наполнил лес.

Ее голос!

Тенгиз дернулся и нечаянно задел рану Таррарафе.

Негр не издал ни звука, даже не вздрогнул.

Девушка-призрак снова «поплыла» вперед. Тенгиз почему-то вспомнил самку гепарда, подкрадывающуюся к добыче.

Солдаты приближались. Непохоже было, что странный звук насторожил их. Теперь Тенгиз слышал их гортанные голоса совершенно отчетливо. Еще пара минут – и их фонари высветят Тенгиза и остальных.

Но пальцы Таррарафе по-прежнему сжимали плечо молодого человека, и он не помышлял о бегстве.

«Лунная» девушка побежала. То был странный бег. Она словно не от земли отталкивалась, а от стеблей травы.

Четверть минуты – и «призрачная» девушка оказалась между друзьями и их преследователями. Лучи фонарей сделались ярче и скрестились на ней, превратив ее фигуру в черный силуэт между такими же черными стволами деревьев.

Тенгиз увидел, как она подняла руку, вероятно, заслоняя глаза.

Еще он услышал изумленные возгласы солдат... и низкое вибрирующее пение. Совсем не похожее на прежний прозрачный звук.

Казалось, нечто холодное и вязкое вливается прямо в живот Тенгиза. Молодой человек услышал свистящее шипение. Это Таррарафе с силой выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

Фонари больше не озаряли девушку. Она что-то произнесла, громко и отчетливо.

Тенгиз ощутил, как его ноги, помимо воли хозяина, делают шаг вперед.

Пальцы масаи с новой силой вонзились в его кожу, и он едва не вскрикнул от боли. Зато избежал от наваждения и остался на месте.

А вот преследовавшие их солдаты, словно марионетки, сходились к белой девушке.

Их оказалось совсем немного. Шестеро.

Девушка еще что-то произнесла, и солдаты остановились. Каждый держал в руках оружие, но ни один не собирался сопротивляться.

Девушка, слегка покачиваясь, двигалась между ними. Теперь Тенгиз очень хорошо видел ее прямую спину, сужающуюся к талии и округло расширяющуюся к бедрам. Он видел, как струятся светлые волосы по ее лопаткам. И как покачиваются при ходьбе круглые ягодичы. Она больше не казалась призраком, но ощущение нереальности только усилилось.

Девушка останавливалась около каждого солдата, прикасалась белой гибкой рукой... Длинные стебли травы огибали ее ноги, как будто она шла по колено в воде. Никогда не видел Тенгиз ничего более прекрасного!

Наконец девушка коснулась последнего из солдат, повернулась и пошла вправо, в глубину леса.

Один из солдат двинулся следом, словно привязанный. Остальные остались. Фонари, зажатые в руках солдат, светили вниз, и Тенгиз не мог разглядеть их лица. Но почему-то был уверен: они совершенно спокойны. Вокруг царил почти абсолютная тишина. Словно всё живое в лесу было точно так же зачаровано, как эти люди. Даже запахи, даже воздух, которым дышал Тенгиз, стал другим.

– За ней, – шепнул Таррарафе.

Тенгиз сделал шаг, другой. Тело плохо повиновалось ему, требовалось усилие, чтобы заставить мышцы сокращаться.

– погоди немного, – негромко произнес Жиллов.

Тенгиз увидел, как Жиллов наклонился к ноге масаи.

Таррарафе скрипнул зубами. Его ладонь, лежащая на плече молодого человека, стала влажной.

– Чепуха, – бормотал Жиллов, ощупывая рану. – Осколок мышцы порезал...

Быстро соорудив из листьев и тонкой лианы нечто вроде повязки, он похлопал масаи по спине.

– Твоя кровь тебе еще пригодится, дружище, – сказал он. – А этих мы не потеряем, пока фонарь того парня горит. Только... Тарра! Ты уверен, что нам – туда?

– Да! – прозвучал твердый ответ.

Они двинулись вперед с быстротой, какую только допускало ранение масаи. И догнали девушку и ее добычу шагах в двухстах от западного берега. А через несколько минут увидели, как пятнышко света исчезло под землей.

– Пещера, – сказал Таррарафе и опустился на траву.

Они находились на прогалине, с четырех сторон окруженной кустарником. Со стороны океана заросли были пореже, и сквозь них можно было без труда наблюдать за берегом. И за площадкой перед входом в пещеру.

– Ждать, – проговорил Таррарафе.

– Как ты, старина? – спросил Жиллов.

– Пока жив, – в темноте блеснули белые зубы масаи.

– И ты, сынок, молодец! – Жиллов дружески пихнул Тенгиза в плечо. – Действительно молодец! Я – сейчас!

И нырнул в заросли. Тенгиз услышал негромкий шорох раздвигаемых ветвей – и они остались вдвоем.

Ненадолго. Жиллов вернулся минут через пятнадцать и принес три кокосовых ореха.

– Заметил по дороге, – сообщил он, срезая ножом верхушку одного из орехов и протягивая его Таррарафе.

Затем ловко очистил второй орех от кожуры, надрезал и передал Тенгизу.

Только глотая кокосовое молоко, молодой человек понял, насколько он голоден.

– Таррарафе, – спросил он, когда с едой было покончено. – Кто она?

– Я не знаю, – ответил масаи.

– А мне показалось... – Молодой человек был уверен, что чернокожий знал, что делает.

– Я не знаю, но думаю: эта – из лесных духов. Мой отец, – добавил он не без гордости, – умел говорить с ними. Он был господином лесных духов. Только... – проговорил он с сомнением, – я не слышал, чтобы лесные духи жили под землей.

– Но ты уже видел таких? – возбужденно спросил Тенгиз.

– Видел, – спокойно ответил масаи. – Других. Но, – Таррарафе слегка понизил голос, – сила этой очень велика.

– Пожалуй, я принесу еще по ореху, – сказал Жилов, ни к кому не обращаясь. И, не дожидаясь ответа, нырнул в заросли.

– А что могут те, кого ты видел? – возбужденно проговорил Тенгиз.

– Многие могут. Заманить в чашу. Отвести дичь. Или – привести, если ты им по нраву. Могут повелеть тяжелой ветви упасть тебе на голову. Могут внушить любовь к себе или напугать так, что потеряешь память. Духи деревьев, духи вод, духи земли и ветра, они сильны... – Масаи замолк.

– И что же? – нетерпеливо спросил Тенгиз.

– Но духи предков и дух-покровитель племени – защита охотникам. А хорошая жертва умиловит самых сильных.

– Твой отец приносил жертвы? – спросил Тенгиз. – Он был шаман, да?

– Мой отец, – ответил масаи, глядя на луну, – великий колдун!

– Он что, Вуду?

– Он повелитель духов! – отрезал масаи.

Похоже, вопрос обидел его.

Вернулся Жилов. С орехами. Бросил их на землю, посмотрел вниз и вдруг подтолкнул масаи.

– Гляди, – прошептал он.

На террасе, десятью футами ниже их прогалины, двигалась еще одна белокожая фея. Тенгиз не слишком удивился, когда увидел бредущего за ней солдата в пятнистой форме. Спустя минуту оба скрылись в пещере.

– Сегодня у них неплохой урожай, – пробормотал Жилов.

И, опустившись на траву, занялся кокосовым орехом.

Прошло меньше минуты, когда за спиной Жилова раздался шорох.

Тенгиз, который сидел лицом к нему, увидел, как над кустами поднялось белое прекрасное лицо. Вытянутая вперед рука, словно высеченная из белого мрамора, указала прямо на молодого человека.

– Ты...

...Жилов, в этот момент как раз срезавший верхушку с очередного ореха, не оборачиваясь, но с поразительной точностью метнул нож.

Рука девушки небрежно отбросила его в сторону.

Жилов, оценивший точность и быстроту движения ночной феи, невольно прищелкнул языком от восхищения.

– Не тронь нас, дух земли, злой дух! – произнес Таррарафе на суахили высоким вибрирующим голосом, с восходящей интонацией.

– Не надо противиться, – звонко произнес прекрасный дух тоже на суахили.

Звук был – как удар гонга.

– Оставь нас! – повторил Таррарафе. – Прочь!

Но из его голоса исчезли обертона. И уверенность.

– Не надо противиться! – повторила белокожая по-русски.

Рука Жилова незаметно подобралась к автомату.

У него были самые серьезные намерения...

Но они не осуществились.

Фея вытянула вперед обе руки, простерла их над мужчинами и пропела ту самую ноту, что слышал Тенгиз полчаса назад. И точно так же в животе у него стало пусто. Он попытался сопротивляться, но вдруг обнаружил, что уже стоит на ногах. Краем глаза молодой человек заметил, что и друзья его тоже встали. Даже Таррарафе больше не противился магической силе.

Тенгиз сделал шаг по направлению к обрыву, прошел прямо через кустарник (ветви царапали кожу, но Тенгиз ничего не мог поделать) и продолжал идти, пока земля не ушла у него из-под ног. Упав на песок, Тенгиз сильно ударился коленями и локтем. Но тело его, невзирая на боль, тут же начало подниматься. Тенгиз уже встал на колено, когда в шаге от него сверху промелькнули ноги девушки. Упруго коснувшись террасы, они распрямились и грациозным прыжком перенесли тело белокожей на несколько футов в сторону. То, что ноги эти оканчивались острыми раздвоенными копытами, совершенно не удивило Тенгиза. Он даже ощутил что-то вроде удовлетворения. Словно уже догадывался об этом и убедился в собственной правоте.

Дух леса, лесная женщина, женщина-сатир... все вставало на свои места. Если руководствоваться не реальностью, а мифологией.

«А что есть реальность?» – подумал молодой человек, пока его тело само поворачивалось по направлению к входу в пещеру.

Рядом упал Данила.

«Этой одного мало!» – мелькнула мысль в голове Тенгиза.

Потом он увидел, как падает Таррарафе.

Но ему фея не дала коснуться земли. Быстрое движение – и она поймала его на руки. Как ребенка.

Зрелище было невероятное: Таррарафе был в полтора раза крупнее белокожей. И тем не менее фея двинулась к пещере, неся его на руках. При этом стройное тело лишь немного откидывалось назад, а шаг был грациозен, как у балерины на пуантах. Но – легче, шире, свободней. Тенгиз, который еще помнил тяжесть руки охотника на своем плече, был потрясен. Однако важнее было то, что белокожая явно заботилась о раненом. Значит, чудесному созданию не чуждо милосердие? Значит, и он, Тенгиз, может надеяться на лучшее?

Пока молодой человек размышлял, ноги сами по себе преодолели расстояние до пещеры. Ночная фея уже исчезла в ее темном зеве. И Тенгиз последовал за ней. Позади, утратив обычную мягкость поступи, топал Данила Жиров.

Темнота окружила Тенгиза со всех сторон. Будто его завернули в одеяло. Воздух был суше и прохладней, чем снаружи. Слабый ветерок дул в спину, принося запах океана. Тенгиз двигался, механически перебирая ногами. Все чувства его были напряжены, как и должно быть у человека, идущего в абсолютной темноте. Тенгиз был уверен, что рано или поздно споткнется или ударится о что-нибудь. И не слишком удивился, когда твердый каменный пол кончился и он полетел в пустоту.

Тенгиз весь сжался, ожидая удара... Но удара не было.

Несколько рук подхватили его и поставили на ноги.

Вокруг по-прежнему была непроглядная тьма. Но по неуловимым признакам молодой человек понял, что вокруг довольно много живых существ.

Несколько женских голосов заговорили одновременно. Голоса были так красивы, что слышать их доставляло чувственное удовольствие. Но Тенгиз не только не узнал язык, на котором они говорили, он даже не смог соотнести его с любым из ему известных. А самое примечательное, что в этой дивной речи полностью отсутствовали шипящие и свистящие звуки.

Тенгиз настолько увлекся, что позабыл о своем положении. Но вспомнил о нем, когда тело его вновь пришло в движение. Сделав около десяти шагов, Тенгиз остановился. До его слуха донеслось журчание воды.

А потом среди женских голосов прорезался мужской. Властный певучий баритон, произнесший короткую фразу, после которой вокруг воцарилась тишина.

Стало слышно, как шагах в десяти плещет вода.

И еще – чье-то дыхание.

Легкая рука коснулась лба Тенгиза. И мужской голос произнес одно-единственное слово, от которого мир вокруг Тенгиза взвихрился и зеленая пелена накрыла его до сих пор свобод-

ный ум. Но, уже проваливаясь в воронку беспамятства, Тенгиз успел осознать, что понял то единственное слово, последним пришедшее из тьмы. Слово это было:

«БРАТ»

Глава пятая

Несчастливая пленница Лора Кострова

Услышав звук открываемой двери, Лора моментально села на кровати и запахнула халат. Вошел Раххам. Лора вспомнила, какое хорошее впечатление он произвел на нее сначала. Элегантный, красивый, с прекрасными манерами – настоящий джентльмен. Особенно – после черных громил, два дня передававших ее из рук в руки. Эти черные едва не отравили ее, были похотливы и грубы, но Лора и не ждала от них ничего другого. А этот африканский аристократ, похожий на метрдотеля из дорогого парижского кабака, обманул ее ожидания. Он даже не видел в ней женщины. И даже не пытался скрыть свое презрение к ней. И Лора ответила тем же. В конце концов, если она не слишком трусила в компании громил, то уж этого...

Раххам окинул взглядом сидящую – и скривил тонкие губы.

Девка тут же вскочила на ноги. Ноздри ее раздувались.

«Что за сучонка? – подумал Раххам. – Тощая, безгрудая, бледная нахальная девка! Разве это зад женщины?»

«Черт меня возьми! – подумала Лора. – Этот парень – педик! Точно, педик!»

В коротком шелковом халате, с распущенными волосами она должна выглядеть потрясающе!

– На, – сказал Раххам, кладя на стул принесенную одежду. – Надень!

Лора посмотрела на то, что он принес. Ну ясно, солдатская форма! Ничего лучшего у них не нашлось!

– Быстрей! – бросил Раххам.

Лора послала ему убийственный взгляд и развязала пояс халата. Раххам брезгливо отвернулся.

«Точно педик», – решила Лора.

Одежда пришлась впору. Только пятнистые шорты немного тесноваты. Лора застегнула ремень и остановилась перед зеркалом. А что, не так уж плохо! Мужская одежда ей идет. А этот ровный загар делает ее длинные ноги еще красивее.

«Так-то тебе должно больше понравиться, мистер педруччио?» – подумала Лора.

– Эй! – произнесла она.

Раххам повернулся.

«Ни дать ни взять – сопляк-новобранец, – оценил он. – Будь я молодым Саяновым – и близко не подошел бы к такой глесте. Сомнительный план, очень сомнительный...»

– Хорошо, – сказал он холодно. – С тобой будет говорить важный человек. Идем!

«Еще один черномазый!» – подумала Лора. Но ошиблась.

В комнате, обставленной как гостиная, ее поджидал белый. Худощавый загорелый мужчина лет сорока в военной форме и с кобурой на поясе. Впрочем, среди людей, которые окружали Лору после похищения, только Раххам не носил оружия.

Военный отложил в сторону журнал и устремил на нее серые равнодушные глаза. Череп его, туго обтянутый кожей, напоминал лошадиную морду.

«Англичанин?» – предположила Лора.

– Сядь! – приказал военный, и Раххам подтолкнул девушку к креслу без подлокотников посередине комнаты.

– Я – полковник Рейман, – сказал военный безразличным голосом по-английски.

– Лора Кострова! – произнесла девушка.

– Кострова? – Военный чуть заметно усмехнулся. – Меня не интересует, как вас зовут. А что меня интересует?

– Откуда я знаю?

– Могла бы и догадаться, – полковник перешел на русский язык, изрядно удивив Лору. – Меня очень интересует твой друг, Тенгиз Саянов. Хотелось бы с ним встретиться. Ты поможешь?

– Даже не подумаю! – сердито фыркнула Лора. – Имейте в виду, я гражданка России! Мое похищение не пройдет вам даром! Вы пожалеете!

– Напугала, – полковник усмехнулся. – Всему миру известно, что твоей России наплевать на своих граждан.

Лора не нашлась, что ответить.

Рейман наблюдал за девушкой очень внимательно. Он полагал, что с первого мгновения должен определить, кто перед ним, и найти верный подход. Опыт многочисленных допросов показывал, что первое верное впечатление помогает избежать ошибок и сэкономить время. Он знал также, что первоначально Вулбари предполагал, что сам справится с этой девушкой. Но она оказалась Шейху не по зубам. Вернее, он не хотел отдавать ее своему палачу из опасения нанести непоправимый вред будущим отношениям с Саяновым-старшим.

– Вы должны немедленно доставить меня обратно! – заявила Лора, ободренная молчанием полковника. – В этом случае я буду просить, чтоб к вам отнеслись снисходительно.

– К сожалению, – Рейман улыбнулся, показав крупные зубы, – к моему большому сожалению, твое похищение организовано не мной. Иначе здесь сейчас был бы твой дружок, а не ты, маленькая никчемная паршивка!

Лора попыталась вскочить со стула, но рука стоящего позади Раххама нажала на ее плечо и не дала подняться.

– Но у нас нет Саянова, а есть ты, – продолжал полковник ровным холодным голосом. – Потому мы удовольствуемся тем, что есть. Хочу, чтобы ты поняла: твое похищение – не моя работа. Но то, что с тобой до сих пор обращались сдержанно, – мой приказ. И он останется в силе, если ты сумеешь стать полезной. Если же ты не сумеешь оказаться полезной мне, то окажешься полезной полутора сотням парней здесь, на острове.

Полковник достал сигарету, не спеша прикурил.

– И это, детка, не самое страшное, что может с тобой случиться. Например, кое-кто из этих дикарей до сих пор не прочь принести жертву своим африканским демонам. Не уверен, что те, кому ты придется по вкусу как женщина, окажутся сильнее тех, кто захочет попробовать, какова ты на вкус.

Полковник откинулся в кресле и выпустил облачко дыма. Всем своим видом он демонстрировал, что не испытывает неприязни к Лоре. Ни неприязни, ни симпатии. Он работает, а девушка – предмет его работы. Вот в этом-то и был весь ужас.

Лора побледнела и прикусила губу.

«Ты не запугаешь меня, урод!» – подумала она.

Но это была пустая бравада. Он ее уже запугал.

– Хочешь закурить? – спросил Рейман.

Лора кивнула.

Пачка «Честерфилда» перелетела через голову девушки и была поймана тем, кто стоял у нее за спиной. В рот ей вставили сигарету (как будто руки ее были связаны), поднесли огонь.

– Ну так как? – спросил полковник, глядя на Лору, как энтомолог смотрит на насажанную на булавку бабочку.

– Можно мне подумать? – пробормотала Лора, выгадывая время.

– Конечно, можно, – разрешил Рейман. – Пять минут! – И демонстративно взглянул на часы.

– А если я откажусь?

– Через полчаса, – любезным голосом произнес полковник, – возвращается ночной патруль. Они немного поохотились сегодня. А стоит этим парням пролить кровь, как они стано-

вятся сущими дьяволами! – Рейман снисходительно улыбнулся. – Откажешься – и тебя отведут к ним. А завтра – снова ко мне. Итак?

«Надо спросить, что ему от меня нужно!» – лихорадочно подумала девушка. Но губы ее уже произнесли ответ:

– Да, я согласна!

«Господи, неужели все это происходит со мной? Он меня загипнотизировал!»

– Вот и хорошо, – кивнул Рейман. – Даю слово: если наше общение с семейством Саяновых пройдет успешно, ты будешь свободна.

«Врет!» – с отчаянной уверенностью поняла Лора.

Полковник стряхнул пепел в изящную бронзовую пепельницу. Взгляд Лоры остановился на ней... На краю пепельницы было выгравировано: «Дорогому коллеге Олегу Тенгизовичу Саянову – от...»

Кто подарил Олегу Саянову пепельницу, прочесть было невозможно, да и не важно. Догадка вспыхнула в мозгу Лоры, едва она взглянула на золотые буквы надписи. Она поняла, где она.

«Козий Танец!»

Остров, который купил дядя Тенгиза!

А теперь здесь заправляют черные, которыми командует белый полковник с лошадиной мордой! Ценная информация. Только непонятно, что с ней делать.

– Для начала, – произнес Рейман, – ты напишешь письмо.

– Письмо?

Полковник сделал знак, и на колени ей лег планшет с листом бумаги и ручкой.

«Главное, чтобы Тенгиз не попал сюда! – подумала девушка. – Ему тогда будет так же плохо, как и мне. А я стану ненужной. Меня... просто убьют!»

По телу ее пробежала дрожь.

– Делай то, что я приказываю, и тебе не причинят вреда! – заверил ее Рейман. – А теперь пиши: «Мой дорогой...»

Неуверенной рукой Лора взяла ручку. Полковник неотрывно глядел на нее. Позади раздавалось посвистывающее дыхание Раххама.

«Похоже, у него был перелом носа», – пришла в голову Лоре неуместная мысль.

– Мой дорогой! Прости, что оставила тебя одного! – диктовал Рейман. – Но я знаю, что ты теперь вне опасности, а у меня дома приключилась беда. Люблю, целую, береги себя! Твоя Лора!

Появившийся из-за спины девушки Раххам взял листок и передал его полковнику. Тот прочел.

– Неплохо, – одобрил он. – Вижу: мы поладим.

«Хрен тебе!» – подумала Лора.

– Сержант, – произнес Рейман. – Отведи девушку в номер шесть. И распорядись, чтобы у нее было все необходимое. – И добавил на суахили: – Сейчас не до этой сучки, но она нам еще пригодится.

«Давай, давай! – злорадно думала Лора, выходя из гостиной. – Неужели ты думаешь, что Тенгиз не отличит мой слог от твоего, солдафон?»

Ей и в голову не приходило, что Рейман вовсе не намерен передавать написанное Тенгизу Саянову. Это был всего лишь очередной этап приручения пленницы.

Комнатка, которую отвели Лоре, была поменьше предыдущей. И обставлена победнее. Маленькое окошко было забрано решеткой. Лампа на потолке бросала вниз вертикальный пучок света. Еще здесь была узкая армейская кровать, черный письменный стол, явно принесенный из другого места, и обитый красной тканью стул.

Лора, которой все равно нечем было заняться, подергала ящики стола. Они были заперты. Все шесть. Но это не было препятствием, потому что Лора заметила ключ, торчащий в одном из замков. И ключ этот подходил ко всем ящикам. В этом девушка немедленно убедилась, открыв их один за другим.

Два ящика были пусты. В третьем лежал CD-диск. В четвертом – какая-то распечатка. Света было довольно, чтобы Лора могла читать.

Первая же страница заставила Лору забыть обо всем. Усевшись на кровати, она взялась за рукопись всерьез, и спустя несколько минут мурашки забегали по ее коже.

Прошло полчаса, час, два... Лора поглощала страницу за страницей. Она прервалась только один раз, чтобы завернуться в одеяло: ее бил озноб.

Девушка читала до самого рассвета, до тех пор, пока не добралась до последней страницы. И только тогда, закрыв утомленные глаза, девушка растянулась на узкой кровати, позавыв выключить свет. Прочитанное перевернуло ее мир. Если написанное – правда (а у Лоры не было сомнений в том, что это именно так), то происходящее с ней самой по сути совершенно незначительно. А вот то, что ждет ее в будущем на этом острове, станет потрясающе интересным! Лора не спала уже больше тридцати часов, но спать ей не хотелось. Несмотря на резь в уставших глазах. Какой там сон! Возможно, прямо сейчас, нет, не сейчас – ведь уже светло, – но следующей ночью произойдет нечто, после чего ни у этого полковника с лошадиным лицом, ни у остальных не останется ни времени, ни желания заниматься ею, Лорой Костровой. Девушка перевернулась на живот и посмотрела в крохотное оконце. Может быть, уже произошло?

Ждать – нелегко. Но она подождет. И Лора потянулась к разбросанным в беспорядке листам. Надо собрать их и положить обратно, чтобы никто, кроме нее, не смог это прочесть.

Рукопись вернулась на прежнее место. Лора была готова пожертвовать всей своей домашней библиотекой, чтобы узнать, отчего дневник оборвался на самом интересном месте.

Глава шестая

Власть зла

«Брат!»

Это было последнее, что услышал Тенгиз.

Зеленый туман стал голубым, затем – серебряным и наконец пропал, не оставив после себя ни вещества, ни цвета.

То был не сон. И не беспамятство. Тенгиз существовал, но не осознавал себя как человек. Или как что-то, что можно осознать или вообразить. Но тем не менее, он – был. И существовал. И смыслом, и плотью его существования было чувство. Чувство Любви.

Ни тела, ни сознания, ничего конкретного или определенного. Возможно, Тенгиз был сгустком серебряной водяной пыли, солнечным зайчиком, бликом, крохотным светлячком, чей огонек потерялся в сиянии. Сиянии настолько ярком, что лишь волосок отделял его от абсолютной тьмы. Любовь. Чувство, как и само слово, было всеобъемлющим. В нем были и безграничное доверие, и непередаваемая нежность, и абсолютная преданность. Все, что мог бы приписать этому слову человеческий разум.

Но было и то, о чем никакой разум не мог и помыслить. Ничего лучшего Тенгиз не смог бы пожелать. Ни в жизни, ни в посмертии. А если он умер, то, Господи, за какие великие дела удостоен подобного невыразимого блаженства?

Понимание того, что с ним происходит, пришло к Тенгизу внезапно. Где-то на задворках уходящего сознания, утраченной жизни и воли возникли два слова: Святая Молитва.

И еще: понимание, что эта Молитва – не его...

– Возьми его, Мякоть Жемчужницы, – произнес мужской голос на языке Древних. – Унеси его, но не трогай: он предназначен не тебе.

– Почему, владыка? – дрожащим от предвкушения голосом проговорила Древняя. – Почему? Я – жажду!

– Не тебе! – отрезал мужской голос.

Это было больше, чем слова. Мякоть Жемчужницы сникла и погасла.

– Он – вне твоей власти, – более мягко произнес ее господин. – И он, и его тело. Там, где он сейчас, нет ни тебя, ни меня. Но он – вернется. Но не для тебя. Рожденная-В-Радость соединится с ним, когда огонь вернется в его тело.

– А он вернется?

– Да. И сделает свой выбор. Правильный выбор, потому что он – мой брат! Его жизнь принадлежит мне, а не Госпоже.

– Он – твой брат! – пропела Мякоть Жемчужницы.

Любовь, разочарование и понимание смешались в ее голосе.

– Тогда я возьму этого! – умоляюще проговорила Древняя.

Правая рука ее поддерживала обмякшее тело Тенгиза, не давая ему упасть. Левая же – коснулась щеки Таррарафе.

– Возьму его! – повторила Мякоть Жемчужницы.

Невероятным усилием масаи сумел отклониться.

Меньше чем на дюйм. Мякоть Жемчужницы рассмеялась – звук тысяч хрустальных колокольчиков, – и ладошка ее легла на крепкую шею Таррарафе.

– Госпожа соединит нас! – пропела Древняя.

– НЕТ! – Голос мужчины накрыл хрустальный звон, как удар бронзового колокола. – Нет! Твоя ночь еще не пришла! Повинуйся мне!

Власть вновь была проявлена. Мякоть Жемчужницы не могла противостоять. Но могла – принять.

– Да, – произнесла она и тихонько вздохнула. – Ты – владыка!

Отпустив шею Таррарафе, Древняя крепче обвила талию Тенгиза и повлекла-понесла его к собственному ложу. Там, уложив человека на подстилку из ароматной чуть подсохшей травы, Древняя на некоторое время погрузилась внутрь себя, прислушиваясь к зову Госпожи. И, осознав этот зов, с пониманием оглядела лежащего у ее ног.

Владыка сказал правду. Сейчас это слабое Дитя Дыма было вне власти Древних. Мякоть Жемчужницы могла его убить. Но даже сила Госпожи не могла бы вернуть огонь желания в обмякшее безвольное тело. Для того чтобы соединиться с Древней, этот человек должен был сам пожелать этого. Воля этого человека была недоступна чарам Древних. Только тело.

Тонкие пальчики Древней прикоснулись к голове человека. Эти пальчики, способные разорвать плоть с такой же легкостью, с какой сильный мужчина рвет гнилую тряпку, сейчас были ласковей касания беличьего хвоста. Или солнечного луча в час восхода. Мякоть Жемчужницы ласкала тело Тенгиза неторопливо, старательно и с абсолютным вниманием. Так кошка вылизывает котенка. Она не забыла, не пропустила ни самого крохотного участка кожи, ни единой складки, ни одного укромного уголка. Она как бы помечала Тенгиза этими прикосновениями, и капельки незримой силы, стекавшие с ее пальцев, впитывались такими же незримыми порами смертного тела Тенгиза. То был древний обряд, подсказанный Госпожой. Дети Дыма слабы. Их воля обычно идет на поводу у желаний тела. А тот, кто их создал, предоставил им свободу выбирать. Выбирать самим. В отличие от Древних. Зато теперь, когда Дитя Дыма очнется, тело его окажется на стороне Мякоти Жемчужницы. Но хватит ли у нее смелости преступить запрет Владыки? Должно хватить, ведь Госпожа хочет другого. И Госпожа – сильней!

Древняя тихонько засмеялась, оглядев тело мужчины, лежащее у ее пушистых колен. Все оно, от макушки до пальцев ног, мерцало и переливалось огнем Мякоти Жемчужницы. Человек очнется и соединится с Древней. Он будет первым, кто соединится с Мякотью Жемчужницы. А она будет первой из рожденных от семени Владыки, кто обретет соединение. Мякоть Жемчужницы насладится человеком, примет его семя и отдаст жизнь человека Госпоже, как та желает. Пусть только он очнется...

Таррарафе ощутил прикосновение Зла. И страх дал ему силу на короткий миг вернуть власть над собственными мышцами. Но силы этой хватило лишь на то, чтобы немного откинуть голову назад. Слишком мало силы, чтобы бежать от Зла с голосом женщины. И когда по велению мужского голоса Древняя оставила масаи, тот не обманулся. «Мужчина», «женщина» – человеческие слова, не более. Мужчины и женщины остались там, наверху, в мире жизни. Здесь же лишь духи Зла окружали Таррарафе. А от Зла исходит только Зло.

Безумный страх укреплял силу масаи. Тот, с мужским голосом, погасил его. Вот потому-то он был для Таррарафе опасней женского духа! Потому что – сильней. Счастьем будет, если Таррарафе умрет! Но масаи не слишком на это надеялся.

– Ласкающий Ветер! – позвал тот, кого Мякоть Жемчужницы назвала Владыкой. – Подойди!

Он мог бы не говорить вслух, позвать Древнюю мысленно. Но каждое новое слово было стежком, укрепляющим ткань его собственного мира.

Избранная им Древняя оставила менее удачливых и приблизилась.

– Ласкающий Ветер, хочешь ли ты вновь соединиться?

– С тобой?

Древняя застыла, не смея прикоснуться к своему повелителю. Но желание обьяло ее.

– Нет.

Слово, как нежное, но властное прикосновение, отодвинуло Древнюю назад.

– Дитя Дыма? Он? – Ласкающий Ветер быстро повернулась к Таррарафе.

Разочарование ее растаяло. Придя из прошлого, Древние существовали только в настоящем. И жили только им.

Потому чувства их были переменчивы, как языки пламени.

– Он.

Голос повернул Древнюю, и ладони ее легли на запястья Данилы Жилова.

– Иди!

Ласкающий Ветер повиновалась приказу Владыки с куда большей охотой, чем Жиллов – ее собственному. Но мышцы Жилова, его тело, идеальный инструмент, созданный десятилетиями тренировок, – все стало чужим. Ласкающий Ветер одарила своего повелителя потоком признательности. Она была счастлива.

Таррарафе слышал, как увели Носорога. Масаи знал: теперь его очередь. Десятки злых существ теснились вокруг, непроглядная тьма была пропитана запахом Зла.

Таррарафе помнил немало заклинаний против злых чар. Но любое заклинание должно быть произнесено, подкреплено движением и соединено с миром посредством предмета. Такова магия черных. Таррарафе ничего не мог противопоставить Злу, когда горячая рука обняла его торс. Горячая сильная рука с кожей гладкой, как обратная сторона лепестка мтолу. Прикосновение более страшное, чем касание холодной чешуи удава. Злой дух увлек масаи в темноту логова, и через несколько мгновений Таррарафе был распростерт на полу пещеры. Тьма окончательно сгустилась над ним.

Не властный шевельнуть даже веком, масаи чувствовал всё. Высохшие травинки, от которых зудела кожа спины, твердость и прохладу каменного основания пещеры под соломенной подстилкой, сухой и прохладный воздух подземелья. Ни в одной из пещер масаи не встречал подобного воздуха.

Но сильнее всего был лишаяющий мыслей аромат той, что творила над ним чары. Это был запах, от которого мышцы живота Таррарафе каменели, а по позвоночнику струился огонь. Это был дурман женственности невероятной силы. В сравнении с ним снадобья, которыми его отец снабжал девушек для очарования женихов, были – как глоток затхлой теплой воды из кожаного бурдюка в сравнении с прохладной влагой струящегося источника. Запах этого тела превращал масаи в животное.

Таррарафе боролся, как мог. Он не в силах был перестать дышать. Но принудил себя вслушаться в звуки вокруг. Сначала это мало помогло. Но потом он уловил совсем рядом хруст и негромкое чмокание. Словно в нескольких шагах от масаи пиршествовал леопард. Придавленный ужас в нем вырвался на свободу. Масаи даже как-то сумел повернуть голову в нужную сторону, и сквозь дурмящий аромат просочился тяжелый, тошнотворный запах внутренностей. И запах свежей терпкой крови. Запах человеческой крови!

Теперь страх масаи был настолько силен, что он сумел даже приподняться на своем твердом ложе. Страх бушевал внутри, пульсировал в висках, взбухал в горле.

Еще чуть-чуть – и у масаи достанет сил, чтобы драться!

Пустое. Легкий толчок в грудь – и он опрокинут на спину, неуклюжий и беспомощный, как новорожденный щенок. Руки и ноги Таррарафе дергались, но железные пальцы стиснули его колено, и острая боль пронзила бедро. Древняя сорвала повязку с его ноги. Сорвала и припала к открытой ране жадным ртом.

Масаи ощутил, как губы злого духа коснулись его мяса. Он ощутил, как существо высасывает его кровь... и боль. Рана перестала болеть. Вот тут-то Таррарафе испытал настоящую панику. Масаи плюет на боль. Но ведь и ребенку известно: когда пиявка, летающий вампир, или вампир в образе женщины или мужчины присасывается к человеку, боли нет. Потому что с кровью в нутро вурдалака уходит жизнь. Нет!

Сила, почти равная прежней силе масаи, наполнила его тело. Он рванулся, схватил существо за гладкие горячие плечи, нащупал тонкую женскую шею и сдавил ее изо всех сил...

Через мгновение Таррарафе был снова опрокинут на спину. И сила его иссякла. Правда, губы существа оторвались от раны, но теперь нечеловечески горячее тело навалилось на Тар-

рарафе сверху, руки и ноги масаи оказались прижатыми к полу, а сам он лишь слабо трепыхался под телом, таким же тяжелым, как его собственное. А потом существо поцеловало его. Поцеловало так, как целуют белые женщины. Впилося губами в губы Таррарафе, и он ощутил на языке соленый вкус собственной крови. Рассудок масаи помрачился от ужаса, которому он дал полную волю.

Бесполезно! Существо не боялось страха Таррарафе. Легкими движениями тела оно попросту гасило судорожные содрогания своей жертвы. Но что самое ужасное – страх не парализовал, а усилил страстное желание, которое порождал запах женского тела. Масаи был Пищей для утоления ее голода. И был беспомощен, как ребенок в когтях леопарда. Ужас и наслаждение смешались, раскаленной иглой пронзив позвоночник Таррарафе. И он понял, что может лишь покориться Судьбе. Судьбе тем более страшной, что теперь масаи очень хорошо знал, какой она будет.

Когда Тенгиз пришел в себя, первым, что он услышал, был жуткий полузадушенный крик, вырвавшийся из горла Таррарафе.

Глава седьмая

Шейх и полковник

Еджав Вулбари был взбешен. Ему требовались немалые усилия, чтобы держать себя в руках.

– Шестеро убиты! Одиннадцать ранены! И еще трое пропали без вести! Да к тому же на острове – диверсанты! Вы скверно справляетесь со своими обязанностями, полковник!

Рейман пожал плечами. Глаза его были пусты и холодны, как северное море, на берегу которого он родился пять десятилетий назад.

– Отчасти склонен с вами согласиться, сэр, – проговорил он без тени смущения или раскаяния. – Но обращаю ваше внимание, что, хотя эти трое, проникшие на остров и сумевшие ускользнуть в тропической темноте, мастера своего дела, поимка их – дело нескольких часов. Наши потери незначительны. Это же неизбежные тактические издержки. Война, сэр. Сегодня мы прочтем остров от берега до берега, не так уж он велик, и исправим ночные ошибки. Заверяю вас: все будет в порядке. Эти трое представляли бы угрозу, если бы могли покинуть Козий Танец, а это исключено. Очень скоро, сэр, у вас будет возможность познакомиться с этими ловкими ребятами. Ей-богу, на таких парней стоит взглянуть!

Вулбари испытующе оглядел своего военного советника. Нет, Рейман не пытается обмануть. А раз так, на слова полковника вполне можно полагаться. Шейх, с презрением отзывавшийся о белых в кругу своих родственников и подчиненных, на самом деле доверял белым офицерам куда больше, чем черным. И дело было даже не в знаниях или опыте. За такие деньги можно отыскать и черного, ничуть не уступающего в профессионализме полковнику Рейману. Но какому черному он сможет настолько доверять?

– Тактические издержки! – проворчал Вулбари. – Раххам сказал: вы обломали девчонку, полковник?

Рейман поморщился:

– Это не работа для солдата, сэр. И полагаю: нам совершенно все равно, будет она трястись от страха или нет.

– Если коза блеет, леопард придет скорее! – заявил Вулбари.

– Возможно, он уже пришел.

– Ночная компания? Вряд ли. Саянов-младший, насколько мне известно, относится к сорту умников, а не солдат.

Голос Вулбари звучал естественно. Он немного жалел, что не предупредил полковника, какого сорта гости явились на остров. Но теперь – поздно. Полковник будет недоволен, что такую важную информацию от него скрыли. И вдобавок вину за ночной инцидент придется разделить поровну. А это неправильно. Так что пусть выкручивается сам. Именно за это Вулбари ему и платит.

Белый между тем продолжал говорить.

– ...С таким отцом совершенно не обязательно стрелять самому. Он мог нанять профессионалов. Вы согласны, сэр? – Сложив ладони пирамидой, полковник откинулся в кресле и, прищурившись, посмотрел на Вулбари.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.